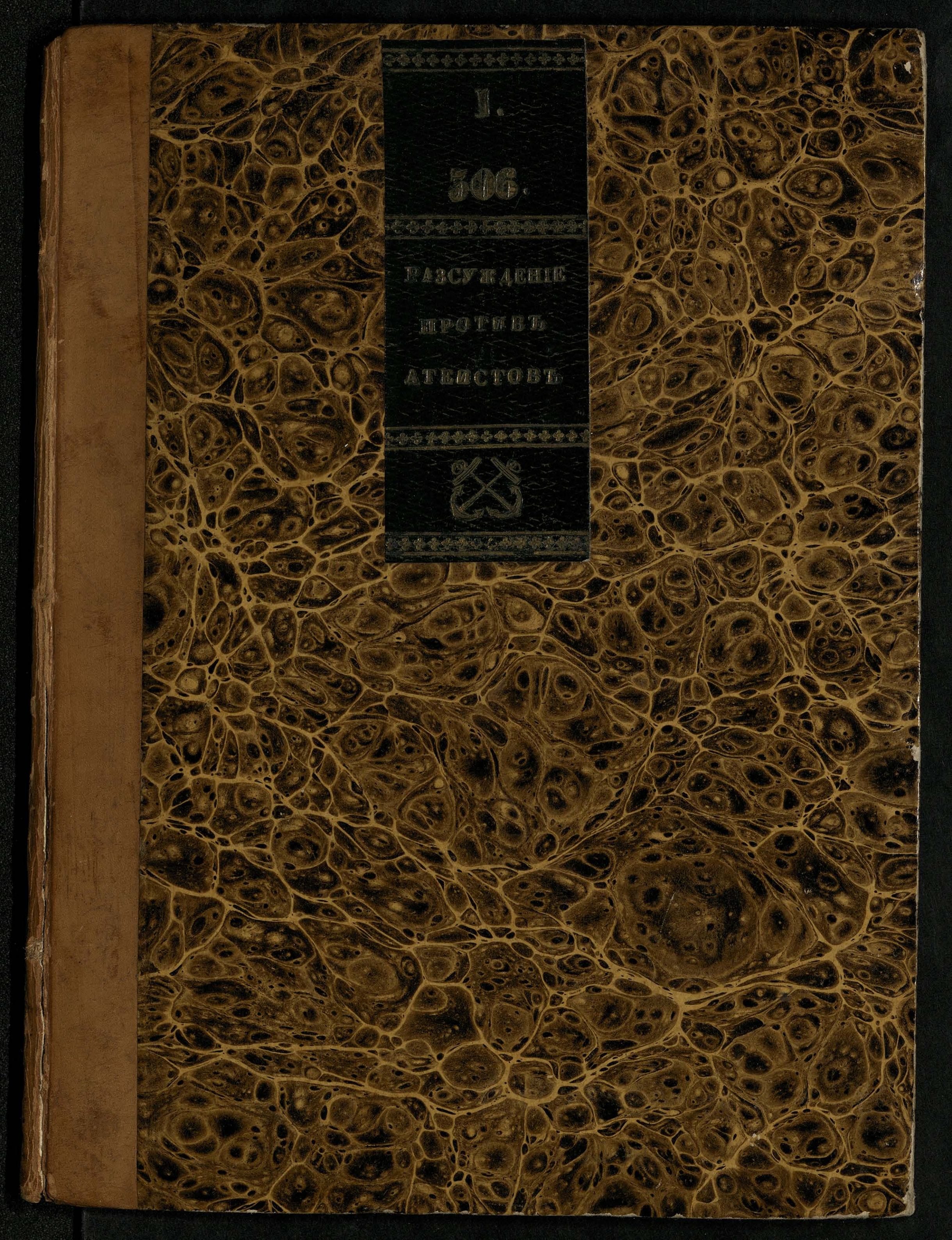
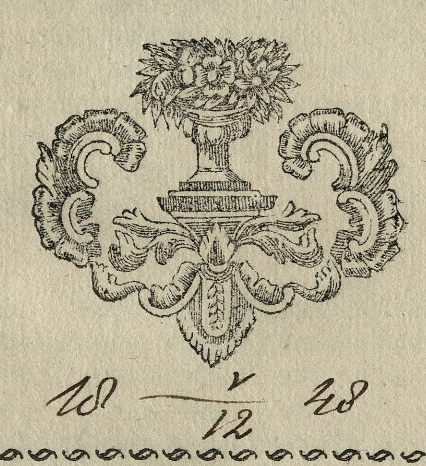

I.
506.
РАЗСУЖДЕНІЕ
ПРОТИВЪ
АТЕИСТОВЪ

РАЗСУЖДЕНІЕ
противъ
АТЕИСТОВЪ
и
НЕУТРАЛИСТОВЪ,

ПЕРЕВЕДЕНО СЪ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА.

Печатано въ Москвѣ въ Сенатской Тѵпографїи, 1765 года.

§. I.

Что богъ есть, сїе столь многими и различными доказательствами утверждается, что кто инако о семъ въ сердцѣ своемъ говорить дерзаетъ, тотъ у Пророка Царя Давида по справедливости безумнымъ называется. Въ етомъ мнѣнїи всѣ обще народы, у коихъ еще умъ совсѣмъ не потерянъ, не только учоные и разумные, но и самые глупые, грубые и дикїе, согласны.

„Нѣтъ, говоритъ Римскїй краснословецъ Ци-„церонъ, ни единой толь дикой страны, нѣтъ ни „единаго толь разсвирѣпѣлаго народа, у котораго „бы небыло сего понятїя: что богъ есть„. И еже-„либъ, по свидѣтельству Арнобїеву, безсловесныя „животныя промолвить могли, ежелибъ такую „свободность, какъ мы въ языкѣ имѣли; да и самыя „древа, земля и камни, ежелибъ одушевленны „были, и гласно и раздѣльно моглибъ говорить: „то конечнобъ познали, что богъ есть, и что онъ „единъ всему Господь, возопилибы.

 Но куды

Но куды. жалости достойно, что въ нынѣшнія такъ какъ и въ древнія времена, находятся нѣкоторые такіе люди, кои употребя на зло свой разумъ, и собравъ, откудубъ ни попались, сумозбродныя доказательства, первоначальный оный познанія свѣтъ лжею какъ мракомъ потемняютъ, и въ себѣ самихъ понятіе о божествѣ изтребить стараются, дабы имъ чрезъ то, отложа весь страхъ, и избѣгнувъ всякихъ опасностей, свободнѣе было своимъ страстямъ угождать, и жизнь бы свою во всякихъ беззаконіяхъ провождать безъ наказанія. Да таковыхъ безумныхъ малое число никакъ не можетъ противоположиться общему другихъ всѣхъ мнѣнію; перьвое для того, что они должны непремѣнно совѣсти отречься: а второе, что они хотя нехотятъ, однакъ признаютъ того, кого знать не желаютъ, и по неволѣ боятся того, кого съ намѣренія презираютъ. Ибо естьли что невзначай хоть мало стукнетъ или зашумитъ, то они всѣми членами трясутся, взираютъ на небо, часто напоминаютъ бога; какъ оной Калигула, которой когда премѣнную мокрую непогодь, или легкой съ неба шумъ усматривалъ, тогда грозилъ небу, и противъ бога, какъ пишетъ Светоній, вооружался: когда же громъ гремѣлъ, или страшная молнія блистала, то въ той часъ окутывалъ голову, и подъ кровать себя пряталъ.

Оставляю здѣсь протчихъ, которые у идолопоклонниковъ ругательски Атеистами назывались. Понеже многихъ за то одно симъ именемъ порицали, что они тѣми богами гнушались, коихъ почитать было явное беззаконіе. Но таковые болѣе съ добраго намѣренія, нежели съ презрѣнія о божествѣ спорили, какъ говоритъ Цецилій у Минуція Феликса.

§. 2.

§. 2.

Итакъ, что богъ есть, всѣ согласно признаютъ, кромѣ только нѣсколькихъ людскихъ чудовищъ, и такихъ народовъ, кои можетъ быть какъ скоты живутъ. Но не меньше и сiе извѣстно.

1.) Что богъ есть существо пресовершенное, всеблагое, величайшее, котораго нѣтъ ничего лучше и превосходнѣе, какъ и самые язычники признали, по свидѣтельству Августинову въ книгѣ о наставленiи Христiанскомъ; да и въ свѣтѣ не можно никого сыскать, ктобъ почелъ за бога то, чего есть нѣчто лучшее.

2.) Что онъ есть всего мiра Создатель. Ибо веществу или мiру приписывать вѣчность, весьма безумно и безбожно есть. И можетъ ли что быть безумнѣе, какъ существу не совершенному причитать самое первѣйшее совершенство, и художество съ самымъ художникомъ смѣшивать? Потому, что кто матерiю вѣчною быть мечтаетъ, тотъ немного разнствуетъ отъ тѣхъ, кои съ Плинiемъ вѣрили, что будто сей мiръ богъ есть, и коимъ не стыдно было написать слѣдующее: „ на что „ взглянешъ, или гдѣ станешъ, все то богъ есть „.

Не требуетъ Епикурово сумозбродство о случайномъ Атомовъ стеченiи опроверженiя. Ибо ктобъ столько былъ безуменъ, чтобы сей прекрасный мiръ, столь чинный въ немъ порядокъ, столь премудро устроенную его обширность приписалъ пустому случаю? Слово въ слово такъ, какъ бы изъ кирпича и лѣсу могъ состроиться самъ собою какой домъ, или бы изъ безчисленныхъ и по

земл разброшенныхъ буквъ могла когда нибудь красивая рѣчь или изрядные стихи сочиниться. Гораздо умнѣе сего Епикура были другїе язычники, кои признавали, что сему мїру богъ есть отецъ, и кои съ Софокломъ, какъ видно у Климента и Кvрилла Александрїйскихъ, говорили: „Единъ де „богъ есть, который сотворилъ небо и обширную „сїю землю.

3.) Что богъ, не только мїра и всѣхъ находящихся въ немъ вещей, между которыми перьвыя суть Ангели и люди, есть творецъ; но и всѣхъ благъ виновникъ и неизчерпаемый источникъ; почему все сїе и язычники приписывали своимъ богамъ, какъ то нетрудно изъ Гомера и другихъ писателей доказать, ежелибъ о семъ писать случилось намъ.

4.) Что мы должны оному существу безконечному служенїе и почитанїе творить, о преудивительныхъ его добротахъ оказываемыхъ изъ его тварей разсуждать, и не только ихъ однимъ скорымъ окомъ и изчезаемымъ зрѣнїемъ перебѣгать, но въ томъ размышленїи на долго упражняться, и подробно и вѣрно умомъ оное разбирать: ему всѣми мѣрами угождать, крайне любить и все славѣ его воспи-сывать. И кто же не станетъ почитать, прославлять, со удивленїемъ любить и бояться такого существа, которое есть вѣчное, премудрое, всесильное и преправедное? отъ котораго все что есть и чего нѣтъ происходитъ; бога такова, который не довольно тово что небо и землю сотворилъ, но и всесовершеннымъ еще всякихъ вещей различїемъ и довольствомъ, не иначе какъ бы домъ какой пространный и великолѣпный предивными и безчисленными сокро-

вищами

вищами наполненный украсилъ: который человѣка сотворилъ, и неисчетными обогатилъ благодѣяніями на тотъ только конецъ, чтобъ онъ его зналъ, любилъ, и почиталъ. Сіи два пункта не разрывно между собою связаны, то есть знать бога, и почитать его. Говоритъ Цицеронъ: нѣтъ ни единаго толь дикаго народа, которой, хотябы и не понималъ какого имѣть надобно бога, однакъ что ему должно его имѣть, и имѣя почитать, не зналъ бы. Да и самъ Епикуръ не однократно сіе призналъ и исповѣдалъ. Всѣ же сіи дѣйствія то есть почитаніе, служеніе, любовь, удивленіе, страхъ и поклоненіе заключаются въ етомъ имени богочестіе или вѣра, о коей съ помощію божескою рѣчь имѣть начинаю.

§. 3.

Итакъ приступая говорить о вѣрѣ или богочестіи, не намѣрены мы первоначальнаго симъ словамъ произведенія изыскивать: понеже сіе надлежитъ до Грамматиста, а не до богослова. Такъ же и о разныхъ означеніяхъ сихъ словъ оставляю. Довольно здѣсь замѣтить, что мы чрезъ вѣру или богочестіе не иное что разумѣемъ, какъ *извѣстное правило, или способъ таковъ, по которому должно познавать Бога и служить ему*. Ибо отсюду произошли разныя вѣры, по причинѣ разныхъ правилъ и способовъ, по которымъ стали народы познавать и почитать бога. Равнымъ образомъ и о дѣйствіяхъ богослуженія, которыми изъявляемъ почитаніе къ богу, говорить здѣсь нѣтъ нужды. И что изъ нихъ однѣ имѣются внутреннія, напримѣръ: любовь, страхъ, вѣра, надежда и по-

кореніе; другія внѣшнія, какъ то строить церькви, приносить жертвы, просто кланятся тѣломъ, или же на колѣна до земли припадать; а инныя отъ части внѣшнія отъ частиже внутреннія, какъ поклоненіе, которое бываетъ тѣломъ и духомъ; поелику всѣмъ извѣстно, оставляемъ, дабы намъ по силѣ нашего намѣренія къ важнѣйшему приступить.

§. 4.

Изъ преждереченныхъ въ параграфѣ 3 мъ удобно заключить можно, что богочестіе всѣмъ есть всѣяно, понеже всѣ имѣютъ о божествѣ понятіе. Ибо признавъ бога [: какъ мы ужѐ видѣли:] и подлежащую къ богопочитанію вещь, то есть разумнословесную тварь: непремѣнно признать надобно какую нибудь богопочитательную вѣру. Признавъ, что богъ не токмо самъ благъ есть, но еще и всякой благости податель: непремѣнно признать надобно, что его за то должно любить. Признавъ, что богъ столь великъ и силенъ есть, что всякую тварь отъ себя созданную можетъ нивочто обратить, и нажесточайше оную наказать: непремѣнно признать надобно, что его должно и бояться. Признавъ, что богъ весьма ревностный есть истинны и правды любитель: непремѣнно признать надобно, что ему во всемъ должно повиноваться. Признавъ бога такимъ, что онъ все зло отвратить, и отъ всякой бѣды свободить можетъ: непремѣнно признать надобно, что мы на него единаго должны уповать. Признавъ что богъ есть премудръ, такъ что и людей сотворилъ на такой конецъ, которой его премудрому существу приличенъ: непремѣнно признать надобно, что и люди всѣ не къ иному концу, только къ тому,

къ

къ которому онъ ихъ опредѣлилъ, обязанными быть должны, употребляя на добро отъ бога данной разумъ, то есть: почитая бога, и исполняя то, что ихъ творцу не противно. И понеже въ етихъ двоихъ вещахъ доброе разума употребленіе состоитъ, а все тое, о чемъ мы выше сказали, содержится въ богочестіи или вѣрѣ: такъ и стало извѣстно, что люди не меньше опредѣлены къ богочестію, какъ и къ общекупному житію, хотя въ семъ иные не согласуютъ. Да и самой союзъ, которой насъ съ богомъ связуетъ, гораздо тѣсняе того, коимъ мы между собою соединяемся. Ибо, какъ справедливо примѣчено, ежели для чаемой корысти другъ къ другу пристаемъ: то гораздо извѣстнѣйшихъ благъ надлежитъ намъ ожидать отъ бога, нежели отъ тварей. Ежели за полученіе благодѣяній одолжаемся; то несравненно больше одолжены мы къ богу, нежели людямъ. И ежели страхъ или любовь влечетъ насъ къ содружеству: то кому не извѣстно что никого больше любить и бояться не должно кромѣ бога? А сіе такъ несумнѣнно, что язычники лучше изволяли зміямъ, мышамъ, крокодиламъ, дереву и камню кланяться, нежели быть или слыть безъ богопочитательной вѣры. Такъ то сильно сіе въ нихъ вкоренилось, что удобнѣе было естественной ихъ склонности перемѣниться, какъ поистиннѣ и перемѣняется, когда человѣкъ отъ природнаго своего высокоумія на всякое униженіе самохотно склоняется, только бы онъ могъ содержать вѣры своей исповѣданіе.

§. 5.

Сіе все большаго доказательства не требуетъ, а изъ того только примѣтить должно, что богопочитаніе

почитанїе или вѣрованїе въ бога, не отъ инаго чего свое имѣетъ начало, какъ отъ врожденнаго всѣмъ о божествѣ понятїя: а не отъ страху духовъ невидимыхъ, ниже отъ недознанїя въ натуральныхъ дѣйствїяхъ причинъ, ниже отъ перетолкованїя случаемыхъ припадковъ на божескїя; какъ въ нынѣшнемъ вѣку думалъ нѣкоторой человѣкъ, по многимъ своимъ хульнымъ и безбожнымъ мнѣнїямъ вездѣ знакомой. Да и подлинно, какая тому причина можетъ быть, чтобъ богопочитанїе съ самаго своего начала болѣе завелось отъ страху духовъ, нежели отъ страха божескаго? развѣ оное мнѣнїе, что суть духи невидимые, больше вкоренилось въ людей, нежели что богъ есть? Поистиннѣ никогда бы страхъ духовъ немогъ привести людей къ признанїю какого нибудь богопочитанїя, ежелибъ не прежде увѣрили сему что богъ есть; или покрайней мѣрѣ что тѣже самые духи боги суть; какъ не можемъ оспорить, что были нѣкоторые такїе дикїе люди, кои духовъ бѣсовских боялись и ихъ почитали, по сказкамъ о Индїйцахъ и бразильцахъ. Но сїе оттуду произошло, что они самихъ настоящихъ бѣсовъ за боговъ имѣли; и такъ они до того еще вѣрили что богъ есть. Почему и намъ заключить слѣдуетъ, что самое первое и прямое богопочитанїя начало, есть о божествѣ понятїе.

А что еще говорятъ о недознанїи натуральныхъ причинъ, такъже и о перетолкованїи на божескїя внезапныхъ случайностей, сїе весьма не къ стати. Ибо иное есть сказать, что устрашены были нѣкоторые народы, когда случалось имъ видѣть такое, чему они не понимали причины, какъ надъ нѣкоторыми то и збылось во время солнечнаго и луннаго затмѣнїя;

мотъ

и отъ тогдашняго страху приведены были къ отправленію различныхъ богопочитательныхъ дѣйствъ: иное же сказать, якобы самое богопочитаніе началось отъ непонятія натуральныхъ причинъ.

Но никакихъ бы дѣйствій богопочитанія не оказали народы, ежелибъ прежде сему не вѣрили.

1.) Что есть нѣкоторое такое существо, отъ котораго все то, чему они причины не понимали, производство свое имѣетъ.

2.) Что за возможность имъ казалось, умилостивить оное существо богопочитательными нѣкіими дѣлами, и тѣмъ самымъ отвратить худыя приключенія. Изъ чего видно, что богопочитаніе съ самаго своего начала всѣмъ отъ природы всѣяно, и подъ именемъ богопочитанія всегда разумѣется нѣкое о богѣ понятіе. Сіе тѣмъ еще утверждается, что столькожъ боятся бога знающіе вещей и ихъ приключеній причины, сколько и тѣ, кои о семъ вовся ничего не разумѣютъ.

§. 6.

Здѣсь нельзя мнѣ удержаться отъ опроверженія тѣхъ, кои смѣли сказать, будто богочестіе нѣкоторыми людьми для того выдумано, чтобъ тѣмъ простой народъ удержать въ своей должности, хотя и сами де выдумщики больше ничему не вѣрили, какъ только что есть нѣкто богъ. И будто Авраамъ, Моисей, Христосъ [страшно и говорить] на прельщеніе и утвержденіе своего намѣренія коварно употребили человѣческую боязнь и невѣжество, чтобъ

тѣмъ себѣ царство возстановить. Правда не спорю, что нѣкоторые были такїе властолюбцы, кои на зло употребили подлогъ богочестїя съ тѣмъ, чтобъ только себя предъ другими оказать великими; о чемъ и примѣры Іеровоамовъ, Миноевъ, Солоновъ, Ликурговъ, Нуминъ, Махометовъ, сумнѣваться недопускаютъ насъ. Но чтобъ и намъ когда проговориться или подумать о Авраамѣ и Моисеѣ великихъ оныхъ мужахъ и праведныхъ; колъми же паче о Христѣ спасителѣ богѣ нашемъ купно со отцемъ во вѣки вѣковъ благословенномъ, таковой страшной хулы возмечтать неслучилось: то ради примѣчанїя слѣдующее предлагаемъ.

1.) Иное есть сказать, что начальствующїе лица на худо употребили богочестїе, а иное сказать будто ево вновь выдумали: первое истинное, а другое ложное. Ибо всякому извѣстно, что оные хитрые люди [кои къ богочестїю весьма много выдумокъ единственно для того прибавили, чтобъ у простова народа прїобрѣсть себѣ почтенїе, и страхъ вкоренить] никогдабы сего не получили, ежелибъ не прежде воображено было сильно въ мысляхъ человѣческихъ оное понятїе, что богъ есть.

2.) Иное есть утвердить въ сердцахъ человѣческихъ ту склонность, которою стремятся люди къ богопочитанїю; иное же оную изъ небытїя вновь произвесть; послѣднее реченїе отмещемъ, а на первое пристаемъ: потому, что они совершенно знали, что безъ богочестїя или вѣры никакое общество безопасно быть не можетъ, но здѣлается такимъ зборищемъ, гдѣ всякому что угодно, то и свободно; гдѣ ни праваго, ни виноватаго, ни правленїя, ни послушанїя;

слушанія; гдѣ тотъ лучше, кто коварнѣе, а тотъ господинъ кто сильняе.

3.) Иное есть сказать, что нѣкоторые внушили народу, что богъ требуетъ почтенія симъ или инымъ образомъ и новые ввели обряды; а иное сказать, что они внушили сіе, что богъ есть, и что ево должно почитать: первое пріемлемъ, а другое отмещемъ. Пусть намъ покажутъ такова человѣка, которой прежде всѣхъ въ свѣтѣ бытіе божіе внушилъ. Истинно ежели бы политики своею хитростію выдумали богочестіе, то тѣ бы только и народы содержали оное у себя, кои у тѣхъ же политиковъ подъ властію или начальствомъ были. Но откуду сіе произошло, что всѣхъ обще народовъ о содержаніи нѣкоего богочестія одно утвердилось мнѣніе; да еще говорю такихъ народовъ, кои о Аврамѣ, о Моисеѣ, и о Христѣ, также о Махометѣ, Солонѣ, и Ликургѣ совсѣмъ ничего не слыхали? Потомъ, сходноли съ истинною сіе, что будто политики могли склонить Сократа, Платона, и иныхъ напримѣръ гораздо Платона и Сократа мудрѣйшихъ мужей къ мнѣнію что богъ есть, и что ево должно почитать; когда бы самою вещію не было бога? Для чегоже они все другое, что имъ о прочихъ вещахъ предлагается, отмещутъ; а сіе мнѣніе о богѣ безъ всякаго отрицательства пріемлютъ?

На последокъ ежели хитростію или властію политиковъ изобрѣтено богочестіе, то какъ тѣ же политики, кои ни какой власти не имѣли надъ собою, но паче сами отъ ласкателей своихъ богами назывались, многіе имъ жертвы приносили, и какъ сущихъ боговъ почитали: однакъ что богъ есть,

тому вѣрили, и что отъ него зависятъ, признавали, да и крайнѣ его боялись, почему какъ своими, такъ и людскими жертвами умилостивить его надѣялись.

Не говори же аки бы сїе случилось отъ того, что имъ изъ дѣтска о томъ часто напоминаемо было. Ибо для чего многїя другїя мнѣнїя, къ коимъ они привычку имѣли, исчезаютъ; а сїе первое понятїе, что богъ есть, и что его должно почитать, никогда загладиться не могло? Поистиннѣ не иная тому причина, какъ только что оное отъ самаго Творца натуры бога воображено. И такъ явная ложъ тѣхъ стала, кои говорятъ якобы обольщенїемъ политиковъ богочестїе выдумано.

§. 7.

Сїе вообще проговоря о богочестїи, надлежитъ теперь къ инымъ поступить. А понеже всякой народъ особливое свое имѣетъ богопочитанїе, свое язычники, свое Жиды, свое Турки, свое Христїане: для того разсудимъ, равномѣрно ли прїятно богу, какоебъ люди богочестїе ни содержали; и все ли должно быть равно, въ какомъ бы кто ни жилъ законѣ? Сей вопросъ нужнымъ здѣлался черезъ многихъ безбожїе, кои въ нынѣшнїя наши времена сколько ни родилось отъ совопросныхъ сцептиковъ сумнительства, отъ беззаконныхъ Антиномистъ и Либертинцовъ бездѣльства, отъ Эпикуровъ невѣрїя, а отъ иныхъ неслыханнаго и ужаснаго безбожїя, все оное, говорю, возобновляютъ, и часто кричатъ, чему ни вѣрь, къ какому зборищу ни пристань, все равно, и всѣ вѣры никакова различїя между собою не имѣютъ. Самая де главная сила вѣры въ томъ

состоитъ: слушаться власти и верьховнаго начальства, коимъ мы подчинены; ихъ веленія исполнять, какъ въ духовныхъ такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ имъ не противиться; а богъ де есть только центръ, къ которому стремиться мы должны, не смотря на то, какимъ бы путемъ къ нему достичь; многоразличная а не одна дорога, по которой намъ предлежитъ итти къ блаженной оной жизни. Однакъ повѣрь мнѣ, что они всѣ въ защищеніи такихъ своихъ злочестивыхъ мнѣній не однимъ поступаютъ порядкомъ. Столько почти у нихъ сихъ образцовъ, сколько головъ. Иные думаютъ, что нѣтъ никакова промысла въ свѣтѣ; иные же хотя его признаютъ, однакъ говорятъ, что будто онъ нимало не обращается около богочестія или вѣры. Иные мечтаютъ, что будто нѣтъ настоящей ни лжи ни истинны, но все отъ мнѣнія и узаконенія человѣческаго зависитъ; нѣтъ ничего добраго ни худаго, нѣтъ праведнаго ни неправеднаго, и потому ни въ чемъ нѣтъ никакой подлинной истинны: но все по своему узаконенію и обычаю люди дѣлаютъ. Всякая де рѣчь другой подобной рѣчи какое нибудь имѣетъ противорѣчіе. И объ одномъ дѣлѣ между двумя спорщиками равносильныя доказательства выискиваются. Иные паки говорятъ, что истинна въ Демокритовомъ кладязѣ скрыта, и ничего о семъ роду человѣческому не открылъ богъ. Иные вопреки, открылъ де богъ, но неизвѣстно, гдѣ оное откровеніе. Иные точно сказываютъ, что богъ открылъ истинну въ писаніяхъ, но весьма темно, такъ что нѣтъ ни единой ереси, котораябъ не изъ священнаго писанія брала свои доказательства. Иные утверждаютъ, что богу больше пріятенъ миръ и тишина, нежели истинна. Иные иное, а всѣ за на-

ибольшую пользу почитаютъ, которая изъ послѣднихъ сихъ рѣчей слѣдуетъ. О ежелибъ де сїе мнѣнїе во всѣхъ могло вкорениться, тобы весь свѣтъ наслаждался спокойною тишиною! никаковабъ не было между народами раздора; Государи съ подданными жили бы единодушно, и земля отъ неба, онаго преблаженнаго жилища, ничѣмъ бы не разнствовала! куды какая выдумка предиковинная, но вмѣстѣ, какъ увидимъ, и треклятая! Ибо чрезъ оной вымыселъ, вѣра и святыня совсѣмъ къ паденїю клонится, и подъ ногами лежать принуждена. Но дабы намъ сїе доказать, и прѣнїе наше расположить порядочно; то намѣрены мы нашихъ противниковъ раздѣлить на классы, и противъ всякаго поступить особенно, коихъ съ помощїю Христовою и побѣдить надѣемся.

§. 8.

Итакъ въ перьвомъ классѣ полагаемъ мы тѣхъ, кои думали что богъ не печется о нуждахъ человѣческихъ, каковъ былъ Эпикуръ, которой себѣ мечталъ, будто богъ нашъ въ праздности находится, и никакой помощи [какъ съ Тертуллїаномъ сказать] въ дѣлахъ человѣческихъ не подаетъ; но въ превеликомъ и глубочайшемъ спокойствѣ живетъ, весь въ пресладкомъ и нечувственномъ божествѣ почиваетъ: каковымъ тотъ же Тертуллїанъ описываетъ Виѳоса Валентинїанскаго бога; а то для того, что Эпикуръ за непристойность величеству божескому вмѣнялъ имѣть попеченїе о всѣхъ вещахъ въ свѣтѣ, какъ изъясняетъ о томъ послѣдователь его Люкрецїй: „ всякъ де богъ по своей натурѣ долженъ насла„ ждаться вѣчно всесовершеннымъ покоемъ; поелику „ уединенъ и отдаленъ отъ нашихъ дѣлъ. Ибо ли-

„ шасѧ

„ шась всякой печали, и не имѣя никакихъ опасно-
„ стей, самъ собою во всемъ довольствуется, и
„ ничего отъ насъ не требуетъ; ни поступками
„ нашими утѣшается, ни гнѣвается за нихъ „. Тоже думалъ и Плиній, которой всѣхъ тѣхъ осмѣявалъ, кои говорили, что самое высочайшее существо имѣетъ попеченіе о дѣлахъ человѣческихъ. Сего мнѣнія мы не намѣрены опровергать многими доводами; ибо оно всякому хоть мало внимающему, ясно кажется ложнымъ. Також и изъ священнаго писанія не хочется намъ приводить доказательствъ, хотя ихъ безъ числа есть; не токмо для того, что у насъ дѣло идетъ съ безбожниками, у коихъ будучи священное писаніе въ омерзѣніи, никакой важности не имѣетъ; но и для сего, что ихъ и безъ писанія легко можно изобличить. Самыя поистиннѣ доводы тѣ, которыми доказано бытіе божіе, доказываютъ и его промыслъ. Ибо нельзя имѣть о богѣ настоящаго понятія, пока мы себѣ не представимъ, что онъ есть всесовершеннѣйшимъ. Какое же будетъ его совершенство, естьли онъ со всѣмъ не радитъ о своихъ дѣлахъ, сидитъ празднымъ при управленіи міра, и все отдаетъ на волю людямъ? Когда и между людьми, кои наиболѣе о дѣлахъ своихъ радѣютъ, тѣхъ благоразумными; а кои въ праздности какъ Сарданапалъ оной живучи, все во власть отдаютъ подданнымъ, тѣхъ народы за самыхъ безчестныхъ почитаютъ владѣльцовъ. Самъ разумъ научаетъ насъ [говоритъ Филонъ] что какъ отецъ, такъ и художникъ никогда не нерадитъ о своей должности; ибо отецъ печется о томъ, чтобъ его потомство не перевелось; а строитель также старается о долговременномъ своего зданія пребываніи, отвращая все вредное, а полезное прискивая. Почему весьма не хорошее то

мнѣніе,

мнѣнїе, кое представляетъ, что будто мїръ сей есть какъ бы какое общество безъ правленїя, въ которомъ нѣтъ ни начальника, ни судїи, ни предводителя. Изрядно сказалъ и Цицеронъ въ книгѣ 2 о натурѣ боговъ: „ Или де отречься надобно боговъ, „ или, кои ихъ принимаютъ, признаться, что они „ нѣчто дѣлаютъ, да еще и знатное, знатнѣе же „ нѣтъ ничего, какъ управлять мїромъ. А ежели „ не такъ, то непремѣнно должно быть чему ни есть „ лучшему, и всѣхъ боговъ сильнѣйшему и проч „.

Пускай же неговоритъ Эпикуръ, что будто можетъ нѣчто убавиться блаженства и увеселенїя божескаго, когда оно станетъ упражняться во управленїи мїра сего. Ибо напротивъ того, ниже богъ былъ бы блаженнѣйшимъ, ежелибъ при промыслѣ своемъ не могъ быть совершеннымъ. Истинное блаженство не въ томъ состоитъ, чтобъ ничего не дѣлать и быть въ праздности, но болѣе въ томъ, чтобъ добро дѣлать. Тогдабъ Эпикурово прекословїе могло помѣститься съ правдою, когда бы божество со скукою и трудомъ управляло вселенною: но быть промыслительнымъ о всѣхъ противно ли божїю благосостоянїю, отъ коего все единымъ воли дѣйствїемъ совершается.

Сей божескїй промыслъ доказывается еще и отъ натуры созданныхъ вещей. Понеже всякая тварь, какаябъ она ни была въ свѣтѣ, поелику изъ ничего произведена, то тѣмъ самымъ ни вочтобъ обратилась, ежелибъ тоюжъ самою силою, которая ее произвела, не была сохраняема. Ибо ихъ одна сущность никакова въ своемъ понятїи не включаетъ бытїя. И такъ изъ того, что онѣ теперь есть, не

слѣдуетъ

слѣдуетъ, что и впредь будутъ. Сего пространнѣе мы не объясняемъ, по причинѣ той, что и напомянуть только довольно. За симъ доказательствомъ слѣдуетъ теперь другое, кое мы приводимъ отъ предивнаго порядка, которой во всѣхъ частяхъ мiръ сей составляющихъ примѣчается. Ибо откуду сiе столь чудное, и которому надивиться нельзя, между небомъ, землею и людьми, согласiе? Откуду столь пристойное частей разположенiе, столь неразрывный разносвойственныхъ вещей союзъ, и толь прекрасный всемiрныхъ тварей ликъ, ежели нѣтъ никакова въ свѣтѣ управителя? Правда, многiе напротивъ [предлагаетъ нечестивецъ;] въ свѣтѣ семъ непорядки, кои иначебъ могли случиться, ежелибъ де былъ какой промыселъ. Вотъ, говоритъ, добрымъ часто бываетъ худо, а злымъ хорошо; цвѣтутъ злодѣи, а угнѣтаются добродѣтельные люди: и такъ какъ де можно вѣрить, что Богъ печется о землѣ, не лучше ли сказать, что дѣла наши текутъ слѣпымъ случаемъ? Но кто ты таковъ человѣкъ, что такъ охуждаешъ то, чего незнаешъ? Все ли то подлинно безпорядочно, что тебѣ только кажется безпорядочнымъ? Не часто ли тебѣ случалось порочить великихъ лицъ за такiя дѣла, которымъ ты послѣ самъ удивлялся, когда узнавалъ ихъ причину? Поистиннѣ ежелибъ тебѣ дозволено было войти въ Божескiй храмъ, илибъ соблаговолилъ открыть тебѣ свои тайности Богъ; то никогда бы ты тому порядку, которой называешъ безпорядочнымъ, не могъ довольно надивиться. И для того ты такъ противъ промысла Божескаго и вооружаешся, что на одно только начало человѣческой трагедiи засматриваешся, а конца ея подождать нехочешъ. Но скажи пожалуй, подлинно ли въ семъ свѣтѣ нѣтъ

ничего порядочнаго? Не столь упрямъ думаю ты, чтобъ сïе сказалъ. Инъ признаться тебѣ должно, что есть конечно промыслъ, которой все то управляетъ. Но опять ты тоже твердишъ, что по большой части худо бываетъ тѣмъ которые любятъ бога. Но почему тебѣ о тѣхъ боголюбïи, коихъ ты боголюбцами почитаешъ, извѣстно, а можетъ быть въ томъ и ошибаешся, можетъ быть иной только видъ боголюбческïй показываетъ; а сердце его совсѣмъ богомерзско? развѣ то въ худо ставишъ ты, что богъ ихъ наказываетъ какъ отецъ чадолюбивый, но сïе съ ними дѣлается или для того, чтобъ ихъ сердца̀ отъ благополучïя не отяжелѣли; или чтобъ больше отъ любви мïра сего отщетились, и небесныхъ бы благъ искали; илиже, чтобъ въ добродѣтельномъ житïи упражнялись, а потомъ за то вѣнецъ себѣ получили. Да и кромѣ сего, они въ самыхъ бѣдахъ великой радости не лишаются, и будучи своимъ состоянïемъ довольны, лучшаго ожидаютъ. Удивляешся же ты еще и тому, что хорошо здѣсь худымъ; но почему ты сïе въ хорошее имъ ставишъ? Понеже говоришъ, по большой части бываютъ они благополучны. Но въ томъ ли крайнее состоитъ благополучïе, чтобъ только быть благополучнымъ? Сколько такихъ есть, кои отъ са́маго преизобилïя здѣлались неблагополучными? Не смотри что убого, да живетъ хорошо; кто отцовскïе имѣетъ еще крохи. [сказалъ Горацïй.]

Наконецъ, тѣхъ ли ты считаешъ щастливыми, которыхъ совѣсть за худыя дѣла безпокоитъ, тайно грызетъ и мучитъ? И признаѐшъ ли ты тѣхъ еще за благополучныхъ, кои восходятъ на высокïй степень, чтобъ оттуду упавши больнѣе ушибиться?

Не говорю

Не говорю уже о мукѣ вѣчной, которая для нихъ блюдется, а ее безбожники отвергаютъ; но сїю только рѣчь напоминаю Горацїеву: Хоть не скоро, однакъ рѣдко безъ наказанїя грѣшнику проходитъ.

Послушай же объ етомъ самомъ и Сенеку: „когда „видишъ, что добрые и богу прїятные люди тру„дятся, потѣютъ, и не легко на достоинство вос„ходятъ; а злые въ роскошахъ и увеселенїяхъ раз„плываются: то подумай, что и мы честнымъ „житїемъ нашихъ дѣтей утѣшаемся, а своеволь„ству рабовъ уступаемъ. Перьвыхъ строгимъ на„блюденїемъ исправляемъ, а послѣднихъ, хоть дерз„кїе въ поступкахъ, при себѣ кормимъ, и проч: „бѣдствїе, говоритъ онъ, поводомъ есть къ добро„дѣтели; кто же по справедливости бѣдными та„ковыхъ не назоветъ, кои отъ чрезвычайнаго благопо„лучїя ничего не чувствуютъ, и коихъ одна тишина „какъ на спокойномъ морѣ къ намѣренному концу „плыть не допускаетъ?„ И такъ которыхъ богъ искушаетъ и любитъ, тѣхъ жесточае содержитъ, развѣдываетъ, и къ подвижному житїю прїучаетъ: а которымъ по видимому будто снизходитъ и прощаетъ, на горшїе будущїе муки блюдетъ ихъ. болѣе здѣсь доказывать о промыслѣ божескомъ, и опровергать противниковъ, кои его не прїемлютъ, нѣтъ нужды. Ибо другїе задачи ихъ безъ всякой трудности возразиться могутъ.

§. 9.

Не далеко отъ сихъ и тѣ, кои хотя и не спорятъ, что богъ промышляетъ о нуждахъ человѣческихъ; однакъ говорятъ что будто не о всѣхъ, только де

о великихъ, а не о малыхъ, то есть: о государствахъ, о республикахъ, а не о томъ что до богочестїя или вѣры надлежитъ. И потому у нихъ все равно, чемубъ люди ни вѣрили. Но что сїе неправда есть, удобно доказать можно. И подлинно; то ли самая малая вещь, что къ божїю надлежитъ почитанїю? развѣ больше богъ о чемъ иномъ печется, нежели о самомъ важнѣйшемъ богопочитанїя дѣлѣ? Вѣроятно ли сїе, чтобъ богъ, все протчее самъ управляя, свой законъ, по которому его должно почитать, на волю человѣческую отдалъ? Все ли то одно, почитать бога подъ видомъ неразумнаго животнаго; и изображать его иногда съ чешуею, иногда же съ рогами, а иногда въ золото претвореннаго, какъ то язычники своихъ идоловъ представляли? нѣтъ! нельзя такъ о всесовершенномъ существѣ божескомъ и подумать! Ибо, ктобъ назвалъ Государя того разумнымъ, которой бы великолѣпный состроилъ себѣ домъ, города свои укрѣпилъ, подданныхъ своихъ богатилъ, но позволилъ бы имъ повиноваться себѣ по своему ихъ изволенїю, и безъ разбору себя писать подъ видомъ осла или свиньи? Какъ же смѣть людямъ о богѣ толь премудромъ такїе рѣчи произносить, которыхъ и о разумномъ человѣкѣ говорить нельзя?

Поистиннѣ, ежели богъ не печется о дѣлахъ къ почитанїю его принадлежащихъ, то удивително для чего тѣже сами какимъ нибудь образомъ его почитаютъ, кои объ немъ такъ думаютъ. Для какой же они пользы и молятся и благодарятъ, когда по ихъ мнѣнїю ни на молитву ни на благодаренїе богъ не взираетъ, ниже гнѣвается тогда, какъ его не почитаютъ? Сїе доказательство написалъ и Цицеронъ въ книгѣ 1. о натурѣ боговъ: „есть де и

„ были философы, кои думаютъ, что боги вовся „ никакова не имѣютъ раченія о нуждахъ человѣче„скихъ; коихъ естьли справедливое мнѣніе, то „ какое ужъ можетъ быть благоговѣніе, какая „ святость? и проч„.

Но куды жалко тѣхъ людей, кои хотя и знаютъ христіанство, однакъ слѣпяе язычниковъ стали, и потому отъ насъ бо́льшаго опроверженія не достойны.

§. 10.

Во второмъ классѣ полагаемъ тѣхъ, кои мечтаютъ себѣ, якобы душа есть смертна, и вкупѣ съ тѣломъ пропадаетъ, или по крайней мѣрѣ не надобно де по смерти ничего бояться; и суда того, о которомъ обще говорятъ, никакова не будетъ; все то одни басни, что о раѣ, что объ адѣ увеличиваютъ; слово въ слово, какъ Еллинскіе о Елисейскихъ поляхъ и Ахеронтѣ расказчики, такъ и нынѣшніе, кои о богочестіи го́ловы свои сушатъ, безумны суть.

Удивително, что между Христіанами находятся такіе люди, кои толкуютъ о душѣ, будто она смертна есть; когда и самые язычники, кромѣ только нѣкоторыхъ скотоподобныхъ Эпикуровыхъ подражателей, совсѣмъ противно учили. Ибо лучше прехожденію душъ изъ одного тѣла въ другое вѣрили, нежели смертность душй принимали. Сіе видно какъ изъ стихотворца Гомера, такъ и изъ философовъ не только Греческихъ, но и Французкихъ древнихъ, такожъ Индійскихъ и Египетскихъ; да и послѣдніе Товпинамбулцы, по объявленію историковъ, о безсмертіи душй вѣрили же. Знать то, кои

смертную душу поставляютъ, никогда о естествѣ ея не помышляли; которая поелику есть существомъ простая, веществу непричастная, изъ частей не сложная, то потому никогда и погибнуть не можетъ.

Сïе доказательство обрѣтается и у самагò Цицерона въ книгѣ первой Тускуланскихъ вопросовъ. „Никакъ нельзя намъ сомнѣваться [говоритъ онъ] „въ понятïи душй, развѣ самые были бы мы невѣжи „въ натуральной наукѣ, потому, что въ душѣ нѣтъ „никакой смѣси, нѣтъ сложенïя и связанïя, нѣтъ „прибавки и усугубленïя. Ежели же она таковà есть, „то поистиннѣ нельзя ей ни различиться, ни раз„дѣлиться, ни раздраться, ни разсыпаться, слѣдова„телльно и погибнуть ей невозможно. Ибо погибель подобна есть лишенïю или отдаленïю тѣхъ частей, которые прежде погибели нѣкоторымъ союзомъ между собою соединены были.

Слѣдователно вѣрить, что душа человѣческая на подобïе огня, или вѣтра съ дыханïемъ и теплотою при смерти въ человѣкѣ изчезаетъ, есть не токмо начинающееся, но самое совершенное безумïе. Ибо кто можетъ, будучи въ здравомъ разумѣ, сïе сказать о существѣ такомъ, которое понятïе имѣетъ? то есть, о душѣ къ изобрѣтенïю тщаливой, къ понятïю удобной, къ изученïю скорой; которая прешедшее помнитъ, настоящее понимаетъ, а будущее предвидитъ; еще же многïе вещи и науки въ себѣ вмѣщаетъ, и никакой нèчисти и бреннаго земного состава не имѣетъ, какъ говоритъ Лягтанцïй: „въ ней „къ безсмертïю врожденное желанïе, и хотѣнïе без„конечное, которое ничѣмъ кромѣ вѣчнаго добра удо„волствоваться не можетъ.

Не

Не изволь же напротивъ того представлять, будто невозможно понять, какимъ образомъ тѣло погибаетъ, а душа остается безсмертна; понеже де она столь тѣсно съ тѣломъ связана, что голодъ, жажду, скорбь, утѣшенїе, любовь, ненависть въ немъ и вмѣсто его чувствуетъ. Ибо тогдабъ сїе противорѣчїе мѣсто свое имѣло, когдабъ душа и тѣло одной съсобою натуры были. Нопонеже душа отъ тѣла совсѣмъ отлична, и безъ тѣла, и внѣ тѣла еще совершеннѣе разсуждаетъ: то и понять всякому удобно, что она и безъ тѣла пребывать можетъ.

Но для устойки своей еще скажетъ безбожникъ, что душа непремѣнно имѣетъ уничтожиться. Однакъ насъ кромѣ того, что замѣтили ужѐ новѣйшїе философы, никакой доводъ, нижѐ примѣръ, не можетъ увѣрить чтобъ когда какое нибудь существо могло ни вочто обратиться. Откуду же и чѣмъ докажутъ, чтобъ богъ такъ хотѣлъ душѣ упраздниться, кто имъ сїе открылъ? И такъ когда о семъ ничего извѣстнаго предложить не могутъ; то не крайнее ли безумїе есть, такъ жить, какъ бы ихъ душа имѣла съ тѣломъ пропасть? О сколько бы противнаго сему открылось, ежелибъ они въ священное писанїе заглянули, кое на многихъ мѣстахъ безсмертїе души объявляетъ!

О вракахъ же ихъ, кои намъ безсовѣстно вмѣняютъ, когда говорится о будущей жизни, о судѣ, о раю и адѣ, чтобъ нѣсколько поговорить: [ибо нехочется пространно о сей матерїи разсуждать] то спрошу ихъ только, подлинно ли они безъ всякаго сомнѣнїя утвердить могутъ, что все сказуемое о будущемъ судѣ и будущей жизни басни суть?

Вѣрятъ ли

вѣрятъ ли тому, что противно есть совершенству божескому не отмстить тѣмъ, кои законъ его столько преступали, кои слушаться его всегда отказывались, кои противъ его величества столько богохульствъ произносили; а онъ однако ихъ еще ни мало здѣсь наказать не благоволилъ? больше ли пристойно богу быть милостивымъ, какъ правосуднымъ? Пускай себѣ говорятъ противники, но только мы имъ не допустимъ, что будто сей доводъ нестолько важенъ и силенъ, чтобъ могъ доказать будущїй оный судъ; однако имъ признаться надобно, что онъ наводитъ имъ сумнительство. Еще прошу ихъ разсудить, подлинно ли басни то, чему здравой разумъ и совѣсть всѣхъ научаетъ? Ибо откуду тѣ страхи и грызенїя, откуду безпрестанныя внутрь и внѣ терзанїя, кои день и ночь таковыхъ же пребеззаконныхъ дѣтей, какъ и ихъ были родители, мучатъ? Откуду снѣденїя совѣсти, которую ниже самые пребездѣлнѣйшїе мучители, хотя и очень желали, однакъ истребить въ себѣ не могли? какъ свидѣтельствуетъ Тиверїево къ сенату письмо, въ коемъ объявляетъ, что онъ всякой день ожидалъ погибели на себя. Такимъ то, говоритъ Тацитъ, мученїемъ были ему ево злодѣйства и беззаконїя. Объявиже намъ пожалуй и ты, откуду сїе? Ежели скажешъ, что отъ застарѣлыхъ предразсудительныхъ мнѣнїй; то и я говорю, что сїе произходитъ отъ страху грядущаго суда. Скажутъ мнѣ, что я ошибаюсь; однакъ моя не столь еще явна ошибка, чтобъ объ ней престалъ кто сомнѣваться.

Наконецъ, ежели все сїе басни Христїанами выдуманные, то откуду то, что и язычники объ

етомъ же

семомъ же вѣдали, кои столько повымышляли Орамнузїи богинѣ, что будто она добраго и злаго мстительница; и будто Еакъ, Миной, Радамантъ имѣютъ быть преисподнихъ судьями? Сюдажъ принадлежитъ и то, что пишетъ Страбонъ о Индїйскихъ брахманахъ въ книгѣ 15: коихъ было такое мнѣнїе: *жизнь сїю должно де почитать какъ со-*
„ *стоянїе зачавшагося во утробѣ младенца; а смерть*
„ *какъ бы настоящее рожденїе къ той жизни, кото-*
„ *рая самая истинная и преблаженная есть; но для*
„ *тѣхъ только людей, кои добро дѣлали, и слѣ-*
„ *довали своему благоразумїю.* О чемъ и больше начитать можно у тогожъ Автора, наипаче о судахъ происходящихъ во Адѣ.

И такъ изъ всего оказалось, что безбожники по крайней мѣрѣ въ сомнѣнїи находятся, и враки ли мы имъ говоримъ, недоумѣваются; а сего съ насъ и довольно. Ибо наружу теперь вышло, что они въ такомъ состоянїи обращаются, что и сами, по собственному своему признанїю, совершенно не знаютъ *вѣчно ли они будутъ погибать, что себѣ за беззаконїя давно уже заслужили: или совсѣмъ ни во что обратятся?* Но какое безумїе, и какое буйство дѣлать то, что тебе повиннымъ дѣлаетъ вѣчной казни, когда есть судъ; а не хотѣть исполнять того, чрезъ что ты можешь всякой бѣды избыть; и ежели кто сего не исполнитъ, не будетъ участникъ вѣчнаго блаженства, которое подлинно есть-ли есть, то и ожидать его должно.

И такъ довольно сего для доказательства не токмо о душѣ, что она есть безсмертна, но что будетъ и послѣднїй судъ. Хотя же бы мы и не столь

спорили противъ противниковъ, коимъ и уступать не надлежитъ, что будто умираетъ ли душа, и будетъ ли какой судъ, не извѣстно: однакъ честный и здраворазсудный человѣкъ долженъ всегда такъ жить, какъ бы о томъ былъ совсѣмъ извѣстенъ. И для того подъ симъ подлогомъ, нельзя защищать, якобы вѣры между собою никакова не имѣютъ различія.

§. 11

Въ третьемъ классѣ полагаемъ тѣхъ, кои думаютъ, якобы нѣтъ никакой правды, то есть ни истиннаго ни ложнаго, ни праведнаго ни неправеднаго; и такъ, вольно де всякому по своему нраву какую хотѣть держать вѣру. Но о боже мой! ктобъ повѣрилъ, чтобъ въ нынѣшнія времена могли такїе люди проявиться, кои бы Сцептицизмъ и Пирронизмъ ввели въ вѣру. Нѣтъ де ничего истиннаго; инъ хотя то у нихъ должно быть истинно, что нѣтъ ничего истиннаго. Кромѣ же сего, не истинно ли ето: что кто такъ говоритъ, тотъ находится въ свѣтѣ; что дважды два, есть четырѣ; что цѣлое, больше есть своей части.

Нѣтъ говорятъ наши Адїафористы, о семъ не споримъ, но о вещахъ до вѣры принадлежащихъ. Ну хорошо, что пристаютъ на какую ни есть истинну. А ето же не будетъ ли истинна, что богъ есть существо совершенное, премудрое, всемогущее, преправедное: да и не лучшель вѣрить сему, нежели какъ сказать, толькобъ безъ хулы на бога, будто существо оное божеское не совершенное не всемогущее не праведное. Пускай такъ будетъ, скажетъ нашъ Сцептикъ. А когда же такъ, то не истинно ли и сїе, что бога почитать надобно, да

еще

еще такимъ почтенїемъ, какое божеству его прилично. И сего отвергать противники наши не смѣютъ. Такъ явная уже ложъ ихъ стала, что будто нѣтъ ничего истиннаго. И подлинно, всякая предлагаемая рѣчь неотмѣнно должна быть истинная или ложная. Истинная, когда о вещи какой что надобно подтверждать, то подтверждаетъ; а что надобно отрицать, то отрицаетъ. Ложная же напротивъ, что ненадобно то подтверждаетъ, или что надобно оное отвергаетъ.

Но скажетъ спорщикъ нашъ: всякой рѣчи, другая рѣчь такой же силы бываетъ противна; и объ одномъ дѣлѣ съ противныхъ сторонъ находятся равносилные доводы. Не спорю, что о многихъ матерїяхъ съ обѣихъ сторонъ такїя предлагаются задачи, кои иногда такъ мысль разбиваютъ, что неможно знать на какую сторону должно склониться. Но сїе тогда случается наипаче, когда человѣкъ о тѣхъ вещахъ, кои ему предлагаются, необстоятельно разсуждаетъ. Еще же и тому не прекословлю, что нѣкоторые философы самыя очевидныя и почти всѣмъ извѣстныя вещи опровергали. Сыскались было и такїе, кои движенїе тѣлъ отметали, и проч. но по тому принимать не слѣдуетъ, чтобъ всякой рѣчи рѣчь равносильная противиться могла. Иногда люди нарочно умъ свой оказываютъ, и вещи, о коихъ всѣ не спорятъ, обманными доводами затемнить стараются. Но кто же скажетъ, чтобъ сей обманъ и ложъ могли равную вѣроятность имѣть съ тою правдою, которую другая сторона въ неоспоримое доказательство представляетъ? А что напротивъ Сцептики наши предлагаютъ о нашемъ разумѣ, что онъ не долженъ скоро давать своего

разсужденія о вещахъ предлагаемыхъ, дабы тѣмъ не попасть въ прошибку: то хотя и сіе справедливо, однакъ оттуду не слѣдуетъ наводить, якобы нѣтъ ничего въ свѣтѣ истиннаго.

Въ протчемъ, что говорили мы объ истиннѣ, тожъ самое говоримъ о справедливости и несправедливости, то есть, непремѣнно имѣется нѣчто такое, кое бываетъ въ себѣ праведное и неправедное: такожъ необходимо нужна между добрымъ и злымъ, и между честнымъ и безчестнымъ разность. И поистиннѣ такъ. Ибо ежелибъ у людей никакова небыло различія, тобъ и въ грѣхъ нельзя ставить тѣмъ, кои святая крадутъ, родителей убиваютъ, и хулу на бога говорятъ. Все равно будетъ, хоть люби бога, хоть клени его; да и родителямъ хоть честь воздавай, хоть въ грудь ножъ вонзи. Кто на сіе не содрогнется? Не говори же мнѣ и того, что будто сей страхъ происходитъ отъ предразсудительныхъ мнѣній, кои намъ внушены отъ нашихъ родителей. Ибо ежелибъ сіе такъ было, то для чего всѣ почти народы, коихъ не одно было воспитаніе, въ етомъ согласны?

Но дабы на нихъ сильняе намъ напереть, спрашиваю у нихъ: должны ли они разуму своему повиноваться, или нѣтъ? Ежели не должны, то разумъ имъ совсѣмъ не надобенъ; напрасно ихъ натура разумными устроила, и впредь они въ родѣ человѣческомъ недостойны людьми считаться: ежели же должны, то худо дѣлаютъ, кои ему не повинуются; и такъ наша правда доказана, что есть между добрымъ и злымъ различіе.

Да и того подъ исключенїе не наводи, что разумъ одному человѣку показуетъ за доброе, а другому то же самое за худое. Ибо сїе по той причинѣ случается, что здраворазсудный умъ имѣя за основанїе всѣхъ согласїе, представляетъ нѣкоторыя вещи добрыми или худыми: но изъ сего токмо то заключается, что невсѣ люди могутъ точно различить доброе отъ худаго; а чтобъ вовся небыло ничего добраго или худаго, отнюдъ доказать невозможно.

Однакъ еще ихъ спрошу: должна ли тварь что нибудь своему творцу, или не должна? Чтобъ не была она должна, сего сказать никто еще не посмѣлъ; ежели нѣчто должна, то обязана оное и исполнять; ежели же обязана, то худо дѣлаетъ та тварь, которая сей должности своей не исправляетъ. И такъ надлежитъ принять за истинну, что есть между добромъ и худомъ различїе; а на ложномъ основанїи утверждаются, кои ласкаютъ себя тѣмъ, якобы ничего нѣтъ въ свѣтѣ истиннаго, почему де, и между вѣрами не должно быть никакому различїю.

§. 12.

Въ четвертомъ классѣ отъ насъ полагаются тѣ, кои хотя не спорятъ, что есть нѣчто истинное или ложное; но говорятъ, будто бы истинна людямъ совсѣмъ не извѣстна, и въ кладезѣ Демокритовомъ скрыта: и такъ де не надобно разбирать, какуюбъ мы вѣру ни содержали, по причинѣ той, что якобы мы не знаемъ, на которой сторонѣ больше правды имѣется.

Но чтобъ и намъ удобнѣе ихъ мнѣнїе опровергнуть, то вопервыхъ надлежитъ сїе примѣтить. Не правду они говорятъ, будто людямъ совсѣмъ истинна безвѣстна, ибо отъ насъ уже доказано, что многiя истинны въ свѣтѣ имѣются извѣстны. И подлинно, удивительнобъ было, ежелибъ богъ далъ человѣку способной разумъ къ понятїю истинны, а никакой бы истинны ему не открылъ. Такъ точно, какъ бы давъ человѣку глаза, а свѣта никакова бы не сотворилъ, на которой бы онъ могъ глазами своими смотрѣть. Лучше же признаться надобно, что безчисленныя вещи и къ знанїю весьма нужныя, небыли бы людямъ извѣстны; естьлибъ богъ своимъ особливымъ откровенїемъ помощи въ томъ имъ не подалъ. Которое откровенїе и самые язычники за нужное признали, какъ Софоклъ написалъ: „ чего богъ „ не откроетъ, того никогда не узнаешъ, хотя бы „ ты все въ свѣтѣ пересмотрѣлъ „.

Итакъ къ доказательству дальшему не надобно намъ многихъ доводовъ, понеже вещь сїя весьма извѣстна. Да кому и не явно, что таинствъ на примѣръ святыя Троицы, воплощенїя и воскресенїя Христова, не токмо умъ человѣческїй, но и Ангельскїй никогда бы не выдумалъ, ежели бы самъ богъ открыть не соблаговолилъ. Какъ же и въ томъ никто спорить не можетъ, что одному разуму безъ откровенїя совсѣмъ неизвѣстно, какимъ образомъ богъ умилостивиться, а человѣкъ съ нимъ примириться может: хотя онъ и знаетъ нѣсколько, что надлежитъ бога умилостивлять, поелику, человѣкъ безъ грѣха не живетъ, богъ же за то безъ раздраженїя не бываетъ.

Да и о состоянїи душй по смерти, многобъ намъ не извѣстно было, естьлибъ объ ономъ не имѣли мы откровенїя, хотя и природный разумъ удостовѣряетъ насъ о ея безсмертїи. Почему и Сократъ предъ самымъ временемъ, какъ имѣлъ смертную чашу съ цикутою выпить, такъ къ друзьямъ своимъ сказалъ: „Ну пора ужѐ мнѣ отсюду прейти и „умереть, а вамъ еще жить. Но лучше ли будетъ „тамъ, богъ вѣдаетъ, а я думаю, что того ни „одинъ человѣкъ не знаетъ„. Однако же мы совершенно о семъ можемъ быть увѣрены, естьли съ одной стороны откровенїе прїимемъ за нужное, а съ другой разсудимъ, сколько богъ въ семъ случаѣ насъ не оставилъ, но все нужное человѣку открылъ. Ибо когда богъ человѣка на тотъ конецъ создалъ, чтобъ онъ его познавалъ и почиталъ; а дабы и человѣкъ созданной не могъ на премудрость божескую причины возлагать, естьлибъ богъ о себѣ ни ему понятїя никакова не далъ, ни другому народу богослуженїя способовъ не открылъ: то обо всемъ томъ яко отецъ премилосердый, и всякаго добра неисчерпаемый источникъ, весьма премудро въ священныхъ ветхаго и новаго завѣта книгахъ объявилъ.

§. 13.

Но божескаго ли суть сїи книги изданїя, великое сомнѣнїе имѣютъ наши противники. Скажи же мнѣ пожалуй, кто бы таковъ ты ни былъ, который не признаешь ихъ за божескїя, чегобъ ты въ откровенїи божїемъ требовалъ, а въ нихъ бы того не находилъ? Сверьхъ сего, кто ту книгу за богопреданную не почтетъ, которая такїя тайны открываетъ,

крываетъ, коихъ не токмо умъ человѣческой, больше къ бездѣлицамъ да суевѣрїю, нежели къ понятїю небесныхъ вещей склонной, но ниже Ангельскїй могъ выдумать; а однако тѣ тайны съ онымъ знанїемъ, кое разуму человѣческому естество, или лучше сказать самъ естества Творецъ влїялъ, весьма согласны: которая изъясняетъ то, что разумъ человѣческой несовершенно понималъ; и учитъ твердо тому, что разуму воображается чрезъ понятїе: которая такъ умъ нашъ наставляетъ, что уже ненасытное оное ко ученїю желанїе, кое намъ отъ естества дано, успокоевается; толькобъ небыло въ человѣческомъ разумѣ злости и упрямства: которая служенїе наше, какъ внѣшнее, такъ и внутреннее къ истинному богу единственно управляетъ: которая предлагаетъ намъ законъ божїй, и волю его, за самое собственное дѣянїй нашихъ прáвило: и которая предписываетъ такїя должности въ разсужденїи бога и человѣка, коихъ нѣтъ нигдѣ святѣе, и коимъ подобнаго, какъ въ законахъ Ликурговыхъ и Драконовыхъ, такъ въ правилахъ Стоическихъ и во всѣхъ философическихъ опредѣленїяхъ ничего найти не можно: которая ни къ чему насъ такъ не понуждаетъ, какъ только чтобъ бога преблагаго любили, и почитали паче всего, а ближнихъ своихъ какъ самихъ себя: которая велитъ людямъ, чтобъ отвергшись себя самихъ, и сáмой корень пороковъ истребивъ, то есть все злое вожделѣнїе, помыслъ и похоть, всякой взоръ прелестной и всякъ видъ грѣха прочь отъ себя отдаливъ, единому служили богу: которая человѣку, на всякое беззаконїе отъ поврежденнаго естества своего стремящемуся, показываетъ средства, какимъ образомъ надлежитъ ему примириться съ богомъ; то есть, не чрезъ

подлое

подлое и ни къ чему годное скотовъ приношенїе, ни чрезъ скверныя и мерзскїя страсти, ниже чрезъ другїя смѣхотворныя тѣлодвиженїя: но чрезъ безцѣнную кровь воплотившагося бога. Которая во всемъ всегда непоколебима, и сама съ собою сходна такъ, что нѣтъ никакого въ ней несогласїя, хотя въ разныя времена и отъ различныхъ писателей написана. Въ которой содержатся пророчества весьма знатныя, кои въ свое время уже исполнились. И которая заключаетъ въ себѣ такое ученїе, кои укрочаетъ всѣ страстныя движенїя, мыслей волнованїе и печаль усмиряетъ, отчаянныя души утѣшаетъ, тишину и радость несказанную подаетъ, вѣру и благоговѣнїе въ читателяхъ родитъ; и такъ произаетъ сердца ихъ, что однажды совершенно вкоренившись, никакїя его заблужденїя повредить, никакїя науки обезсилить, никакое забвенїе загладить; и ни надежда своимъ ласканїемъ обольстить, ни мучительство всѣми своими орудїями отнять не могутъ. Да оно же премногими еще и чудесами утверждено, кровїю мученическою запечатано, и даже до нашихъ временъ сохранено обрѣтается; хотя сатана и мїръ съ нимъ всегда о томъ, чтобъ его истребить, всячески старались. Напротивъ же того человѣческїя выдумки, толь слабы и ненадежны, что почти подлежатъ ежечаснымъ перемѣнамъ, слово въ слово такъ, какъ Горацїй сказалъ о словахъ употребляемыхъ. „Какъ де листъ въ лѣсахъ всякой „годъ опавъ перемѣняется; такъ старинныхъ вѣ„ковъ нарѣчїе пропадаетъ. Всѣ мы, и все наше „смертной перемѣнѣ подвержены.

И подлинно, ежели сїе дѣло не есть божїе, то я не знаю, чтобы такое было божїе. Не такъ солнце пре-

свѣтлое оное свѣтило своимъ свѣтомъ сїяетъ, и не такъ драгоцѣнной камень, или алмазъ блистанїемъ своимъ свѣтитъ: какъ священное писанїе многоразличнымъ въ себѣ содержанїемъ показываетъ свое первоначалїе. Столько въ немъ блистаетъ свѣтилъ, и столько имѣетъ о своемъ богоизданномъ сочиненїи свидѣтелей, сколько заключаетъ въ себѣ словъ. Изъ чего явствуетъ, что богъ о себѣ людямъ открылъ, и тое откровенїе содержится въ священномъ писанїи; о чемъ должность наша была и доказать.

§. 14.

Пятой классъ есть тѣхъ, кои говорятъ, будтобы священное писанїе такъ темно, что невозможно изъ него понять, какое бы намъ должно было больше исповѣданїе вѣры содержать. И потому говорятъ они, нѣтъ почти ни одной ереси, котораябъ о себѣ не хвастала, что она изъ священнаго писанїя свои приняла погрѣшности. И такъ, хотя де богъ и открылъ людямъ о себѣ: однако ему не противно къ какой бы кто ни присталъ вѣрѣ. Якобы для того, что всѣ сколько есть на свѣтѣ вѣръ; могутъ доказаны быть изъ священнаго писанїя. Но ктобъ слыша сїе не ужаснулся? развѣ у нихъ слово божїе есть на подобїе Сивиллиныхъ отвѣтовъ? развѣ духъ святый сталъ быть обоюдогадательный Аполлонъ; а писатели его богодухновенные, хитрецы, обманщики и лже-пророки? развѣ церьковь, гдѣ слово божїе проповѣдуется, есть языческое капище, или темная оная роща? Ахъ не дай богъ, чтобъ такъ кто изъ насъ говорилъ? Однакъ сїи мудрецы много здѣсь лжи затѣяли.

1.)

1.) будто священное писанїе такъ темно, что якобы не возможно изъ него совершенно узнать во что надобно вѣрить, и какїя дѣла исполнять. И подлинно, ежелибъ сїе было по ихъ мнѣнїю, то на какую бы пользу далъ намъ богъ свое писанїе: когда оно темнѣе Делфическихъ, Аполлоновыхъ прорицанїй, и когда изъ него ничего точнаго въ доказательство не возможно привесть? А мы примѣчаемъ, что богъ не на иной конецъ свое слово писанїю благоволилъ предать, какъ только чтобъ оно было прáвиломъ вѣры и добрыхъ дѣлъ; но какое то прáвило, котораго никто не разумѣетъ: или естьли, повѣривъ противникамъ нашимъ, станемъ называть его съ ними вощанымъ носомъ, мечемъ обоюднымъ, башмакомъ Ферамѣновымъ на всѣ стороны обращаемымъ, ножнами всякой въ себя мечь хотя и свинцовой вмѣщающими? развѣ богъ, или не могъ яснѣе о себѣ людямъ открыть, или не хотѣлъ? Чтобъ онъ не могъ, сего никто не скажетъ; ибо чего не можетъ Отецъ свѣтовъ, которой положилъ солнце на тверди небесной, чтобъ освѣщало всю вселенную? Также что будто богъ не хотѣлъ, и сего сказать неприлично же. Ибо какая бы тому могла причина быть, чтобъ богъ будучи Отцемъ преблагимъ, не захотѣлъ открыть свою волю чадамъ своимъ, дабы они удобнѣе повиновались ему? Правда, чтобъ ни чего не было темнаго въ священномъ писанїи, того и изъ насъ никто не говоритъ. Понеже мы совершенно знаемъ, что священное писанїе имѣетъ въ себѣ свои глубины и не удобь понятые разумы. Но сему такъ быть, для того благоволилъ богъ; дабы неразумїе наше изобличить, лѣность истребить, скуку прогнать, гордость смирить; а болѣе всего, чтобъ въ насъ горячесть къ

 моленїю,

моленїю, прилѣжанїе къ чтенїю, смиренномудрїе къ богомыслїю возбудить и поощрить.

Но сверьхъ всего того еще доказываемъ, что самыя нужныя къ спасенїю члены, явно и ясно въ немъ преподаются. Ибо напримѣръ: не ясно ли, и не безсумнительными ли словами учитъ священное писанїе, что богъ есть единъ, что онъ вѣчный, не измѣримый, преблагїй, премудрый, всемогущїй и праведный; что единымъ его мановенїемъ и повелѣнїемъ весь мїръ сей какъ сотворенъ, такъ и теперь управляется; что человѣкъ въ самомъ началѣ мїра по образу и по подобїю божїю созданъ, но изъ онаго благополучїя за преступленїе свое изпалъ, и всѣхъ своихъ потомковъ учинилъ грѣху рабами: богъ же надъ родомъ человѣческимъ умилосердившись послалъ на землю единороднаго сына своего Iисуса Христа; и оный Сынъ божїй, который отъ вѣка купно со Отцемъ пребываетъ, принялъ на себе плоть въ преблаженномъ дѣвическомъ чревѣ, распятъ былъ, погребенъ, воскресъ, и послѣ на небеса вознесся; и такъ своею смертїю правосудїю божїю совершенно удовлетворивъ, спасенїе вѣчное намъ исходатайствовалъ, о протчемъ здѣсь не упоминаю, что также ясно содержится въ священномъ писанїи, какъ то напримѣръ написанное въ десятословїи и въ Господней молитвѣ. Откуду явно, что Святый духъ, по свидѣтельству Августинову, такъ умѣренно священное писанїе расположилъ, что ясными мѣстами гладныхъ насыщаетъ, а труднѣйшими пресыщатись возбраняетъ.

2.) Не правду говорятъ и въ томъ, будто всякая ересь можетъ доказана быть изъ священнаго писанїя.

санія. Знаю подлинно, что еретики изъ священнаго писанія свои доказательства берутъ, дабы тѣмъ самимъ удобнѣе могли не осторожныхъ прельстить. Но сіе имъ въ защищеніе не вмѣняется, потому что они худо тѣ свои доказательства выводятъ; и болѣе сами отъ тогоже священнаго писанія опровергаются, какъ то напримѣръ: Савелій, Арій, Несторій, Евтихій, Македоній, Социнъ и другіе подобные. Еще же и то между ими водится, что когда ихъ изъ священнаго писанія обличаютъ, то тогда они на оклеветаніе самаго писанія обращаются, какъ святыйИриней въ свои времена примѣтилъ, и какъ всегдашній опытъ доказываетъ. И такъ сего довольно къ раззоренію гнилого основанія нашихъ Адіафористовъ.

Одно только сіе здѣсь еще предложу, что еретическія усилія и предпріятія, коими стараются они священное писаніе на защищеніе свое превратить, не должны насъ отвращать отъ чтенія Святаго писанія. Ибо по етому и са̀маго разума не надлежало бы намъ употреблять, понеже и его на зло многія употребляютъ: но паче того намъ оберегаться надобно, чтобы мы не ослабѣли отъ нерадѣнія и отъ скуки; или что бы для закоснѣлыхъ мнѣній отъ настоящаго пути не отставали; или что бы по страстямъ наипаче надежды и боязни не поступали мы; а особливо, чтобъ скоро нашего разсужденія ни на что не подавали.

§. 15.

Шестой классъ слѣдуетъ тѣхъ, кои хотя признаютъ, что истинна въ священномъ писаніи очень

явно изображена: однако столь еще слѣпо видятъ, что не перестаютъ защищать, якобы между вѣрами никакой нѣтъ разности. Но напротивъ ихъ такое прѣнїе предпрїемлемъ: ежели истинна всегда должна предпочтена быть паче лжи, и ежели оную познавши обязуемся хранить крѣпко; то слѣдуетъ, что человѣку не все должно быть равно, какой бы онъ законъ ни исповѣдывалъ: но первое предложенїе наше истинное: убо такоежъ и послѣднее. Первое говорю потому истинное, понеже есть всякому явное; ибо когда вѣры между собою противны суть, и одна другую порицаетъ лживою; то надобно чтобъ въ одной вѣрѣ была истинна, а въ другой ложъ: и такъ ежели истинну должно предпочитать лжи, то надлежитъ въ той пребывать вѣрѣ, въ которой признаемъ самую сущую истинну, а отъ другихъ уклоняться. Также и второе наше предложенїе весьма ясно. Ибо ктобъ таковъ былъ, которой бы предпочелъ ложъ истиннѣ.

Ежелибъ богъ намъ извѣстилъ, въ какой имянно сектѣ философической истинну найтить можно, то ктобъ къ снисканїю оной всего себе не предалъ; да кто же ее и теперь не ищетъ? А ежели сїе справедливо въ вещахъ философскихъ, кои мало важности въ себѣ имѣютъ, то не справедливѣе ли будетъ въ вещахъ къ богопочитанїю и вѣрѣ принадлежащихъ; а наипаче когда намъ самъ богъ открылъ, что есть истинно, и что ложно; что ему прїятно, и что противно? А какъ правду сказать, то люблѣнїе къ истиннѣ сродно есть всѣмъ отъ натуры, не выключая и самыхъ младолѣтныхъ рабятъ. Она въ такомъ почтенїи была у язычниковъ, что какъ пишетъ Плутархъ, ни человѣкъ лучшаго отъ бога полу-

получить, ни богъ достойнѣйшаго дара человѣку дать не можетъ, какъ истинну. Она едина и сожительницею и вскормительницею боговъ у Стобея названа, который пишетъ, что волхвы изъ боговъ главнѣйшаго Оромазда уподобили тѣломъ свѣту, а душею истиннѣ. Она у Грековъ Царицею наречена по свидѣтельству Климента Александрїйскаго, кои по изобрѣтенїи ея сточисленными жертвами своимъ богамъ благодарили.

Итакъ кто бы сему не удивился, что между Христїанами въ наши времена явились такїе люди, кои не стыдятся въ дѣлѣ касающемся до вѣры болше ложъ нежели истинну почитать, хотя во всѣхъ другихъ вещахъ истинну выше лжи поставляютъ? Но тѣмъ еще тяжелѣе ихъ грѣхъ, что истинны презрѣть не можно безъ презрѣнїя самаго ея творца, и что лжи отецъ есть дїаволъ; то когда истинна презирается, тѣмъ самимъ больше дїаволъ богу предпочтенъ бываетъ. О лютаго ихъ беззаконїя! что будутъ отвѣтствовать на сїе наши Адїафористы.

Отвѣчаютъ однакъ во перьвыхъ напротивъ сего, якобы нѣтъ ниединой вѣры, которая бы какой нибудь истинны не признавала, и такъ де не больше почитаютъ ложъ отъ истинны, кои, какъ случай потребуетъ, вмѣсто истинной своей вѣры, другїе новые принимаютъ. Но сей ихъ отвѣтъ весьма съ благопристойностїю не сходенъ; понеже въ немъ явная ложъ есть, что будто тѣ люди не предпочитаютъ ложъ истиннѣ, кои безъ разбору ко всякой пристаютъ вѣрѣ. Ибо во всѣхъ протчихъ вѣрахъ перьвые оные истинны, о которыхъ они говорятъ,

рятъ, столь многими погрѣшностями затемнены, что едва ихъ и познать можно. Да и кромѣ сего, упоминаемые оные истинны никакой вѣры собственно не состовляютъ; потому, что всякая вѣра имѣетъ свой родъ и свое различїе. И такъ, родъ есть тѣ перьвые истинны, кои всѣмъ общи; а различїе есть, или другїе особые истинны, или же погрѣшности. Но чрезъ единъ свой родъ, которой всѣмъ вѣрамъ долженъ общимъ быть, не составляется никакая особенная вѣра или секта; какъ напримѣръ человѣкъ, не есть человѣкъ потому одному, что есть животное.

Того ради противъ ихъ такое полагаю опровержение: кто тѣ вѣры въ коихъ весьма многїе и важные погрѣшности, а истинны только нѣкоторые находятся, больше почитаетъ нежели самую чистую вѣру, въ которой все истинно и безпорочно, а погрѣшности хотя и кажутся быть, но весьма не многїе, къ томужъ еще маловажные; тотъ больше почитаетъ ложъ нежели истинну: но наши Адїафористы сїе дѣлаютъ· слѣдовательно они больше ложъ нежели истинну почитаютъ. Однакъ еще упрямствуютъ и говорятъ противники. Ежели де всегда должно больше почитать истинну какъ ложъ, то и ту вѣру должно оставлять, въ коей кажутся быть нѣкоторые погрѣшности.

Но на сїе весьма легко отвѣтствуемъ: 1. Ежели другая имѣется вѣра подлинно безпорочнѣйшая, то не споримъ, что надобно оставлять оную вѣру, въ которой погрѣшности находятся. 2. Не просто разумѣть, но различать надобно погрѣшности. Ибо иные суть важные и вѣчнаго мученїя достойные;

кои

кои касаются до богослуженія, нравовъ, и добрыхъ дѣлъ: а инные легкіе и маловажные, кои хотя истиннѣ въ священномъ писаніи открытой нѣсколько и противны; однако людей отъ вѣчнаго спасенія не отлучаютъ, и въ погибель не приводятъ. И такъ напримѣръ: общество такое, которое имѣетъ погрѣшности перьваго рода, то есть душевредные и смертные, кои съ истиннымъ благочестіемъ купно быть не могутъ, безъ всякаго сомнѣнія должно оставлять: а кое имѣетъ въ себѣ самые легкіе погрѣшности, отъ того не надобно отставать. А только тогда будетъ довольно и того, чтобъ тѣхъ погрѣшностей не хвалить. Слово въ слово такъ, какъ въ общекупномъ сожительствѣ, таковыхъ дружества удаляемся, кои имѣютъ весьма знатные пороки; а тѣхъ погрѣшностямъ съ крайнею кротостію и ласковостію снисходимъ, кои въ протчемъ хотя и добродѣтельны, однако по слабости человѣческаго разума, не совсѣмъ исправны являются.

§. 16.

Противополагаютъ второе: хотя де надобно болѣе почитать истинну какъ ложъ, однакъ должно предпочитать миръ и тишину паче истинны. Ибо тихомиріе, говорятъ, больше богу пріятно нежели истинна; и потому они не охуждаютъ тѣхъ людей, кои, чтобъ сохранить покой и тишину, всякую вѣру, какъ потребно бываетъ, принимаютъ. Но мы ихъ сію правду за самую сущую ложъ доказываемъ. Пусть ето правда, что богъ любитъ миръ или покой, но совокупленный съ истинною, какъ обѣ сіи вещи совокупляетъ Захарій и Павелъ,

который велитъ истинствовати въ любви. Миръ безъ истинны есть вражда на бога. И для того Полибїй, которой миръ изъ всѣхъ лучшею вещїю называетъ, сказалъ, что ничего не должно ни затѣвать противъ истинны, ни уступать съ бесчестїемъ для полученїя одного мира. Гораздо лучше похвальная брань, нежели миръ, которой насъ съ богомъ разлучаетъ, по свидѣтельству Назїанзена: но такой миръ есть точенъ оному миру, которой съ истинною не согласуетъ. Нѣтъ ни единой толь лютой войны, котораябъ лучше и полезнѣе небыла худого онаго мира.

Весьма праведно Iеронимъ въ посланїи къ Феофилакту противъ непорядковъ Iоанна Iерусалимскаго пишетъ. Желаемъ де и мы мира, и нетокмо желаемъ, но еще и просимъ; однакъ мира Христова, мира истиннаго, мира не враждебнаго, мира такого, въ коемъ нѣтъ никакой брани, и которой бы не враговъ подкрѣплялъ, но друговъ бы соединялъ.

И такъ миролюбїе къ тому насъ должно склонять, чтобъ мы съ такими въ общество входили, кои истинную вѣру въ главныхъ и къ спасенїю нужныхъ членахъ исповѣдуютъ, хотя въ протчихъ не весьма важныхъ подробностяхъ не безъ погрѣшностей являются. И для того многїе древнїе непомѣрно строги намъ кажутся, кои о вещахъ маловажныхъ не рѣдко плача достойные ссоры производили, какъ оный Филастрїй, который за еретиковъ и тѣхъ почелъ, кои посланїе ко Евреомъ не Павлу какъ надлежитъ, но Клименту или Варнавѣ приписывали. Да и другїе премногїе, кои также за вещи совсѣмъ въ благочестїи никакой важности не имѣющїе клялли, и анафемѣ

и анафемѣ предавали. Однако же любленіе мира никакъ не должно насъ возбуждать къ тому, чтобъ мы истинну предпочли лжи, или бы нѣкоторые погрѣшности приняли; понеже ничего мы не должны имѣть почтеннѣе, какъ всѣми вѣки похвальную истинну.

При чемъ еще и то надобно наблюдать, что истинна не есть противна миру, и она только по случаю брани и войны причиняетъ, не инако, какъ и Христосъ о себѣ сказалъ, что онъ пришолъ не миръ, но мечь поврещи на землю. И такъ не истинна но человѣческое поврежденіе брань причиняетъ и раздоры умножаетъ.

§. 17.

Второй нашъ доводъ, которымъ мы опровергаемъ тѣхъ, кои хотя истинну и признаютъ, однако неразнствіе вѣръ еще защищаютъ; имѣется такого содержанія: ежели превеликій грѣхъ есть познанную истинну оставлять; то не должно тѣмъ всякую вѣру безъ разбору принимать, кои познали истинну: но предъидущее предложеніе наше истинно, убо и послѣдующее. О предъидущемъ потому такъ говорю, понеже оное отрицаемо быть не можетъ, а послѣдующее доказывается изъ посланія ко Евреомъ гл: 6. сти: 4. 5. 6. „Не возможно, говоритъ „Павелъ святый, просвѣщенныхъ единою, и вку„сившихъ дара небеснаго, и причастниковъ бывшихъ „Духа святаго, и добраго вкусившихъ божія глагола „и силы грядущаго вѣка, и отпадшихъ паки обно„вляти въ покаяніе, второе распинающихъ Сына „божія въ себѣ, и обличающихъ„. Вотъ какой

тяжкой грѣхъ и наказанїе! Да въ томъ же посланїи гл: 10. сти: 26. и 27. „Волею бо согрѣшающимъ намъ „по прїятїи разума истинны, къ тому о грѣсѣхъ „не обрѣтается жертва: но страшное нѣкое чаянїе „суда, и огня ревность поясти хотящаго сопро- „тивныя„. Кто сїе безъ страха можетъ слушать? О когда бы всѣ богоотступники объ етомъ внятно размышляли!

§. 18.

Третїй доводъ противъ тѣхъ же соперниковъ такой предлагаемъ: ежели бы въ томъ никакого небыло различїя, какую бы кто ни держалъ вѣру; то священное писанїе никогдабъ не совѣтовало страдать за благочестїе. Ибо весьмабъ было безчеловѣчно налагать бремя на людей со всѣмъ не нужное, и требовать отъ нихъ того, чтобъ они всякой родъ мученїй, не выключая ниединаго, лучше претерпѣли, нежели истинны отреклись. Да и не такъ подла жизнь наша, чтобъ всякъ человѣкъ, будучи по образу божїю созданъ, и кровїю Христовою искупленъ, безъ всякой нужды оную терять одолжался. Для чего же Христосъ многократно совѣтуетъ своимъ ученикамъ свой нести крестъ? Матф: гл: 10 сти: 38. 39. „Иже не прїиметъ креста своего, и „въ слѣдъ мене грядетъ, нѣсть мене достоинъ. „Обрѣтый душу свою погубитъ ю„ и проч: для чего и Апостоли тожъ самое часто напоминаютъ, и столь изрядно о томъ говорятъ? Послушаемъ хотя единаго Павла къ Евреомъ гл: 12. ст: 1. „Тѣмъ же убо „и мы толикъ имуще облежащъ насъ облакъ „свидѣтелей, гордость всяку отложше, и удобь „обстоятельный грѣхъ, терпѣнїемъ да течемъ на пред-

предлежащій намъ подвигъ: „ взирающе на началь-
„ ника вѣры и совершителя Іисуса, иже вмѣсто
„ предлежащія ему радости претерпѣ крестъ, о
„ срамотѣ не радѣвъ, одесную же престола божія
„ сѣде. Помыслите убо таковое пострадавшаго отъ
„ грѣшникъ на себе прекословіе, да нестужаете
„ душами своими ослабляеми. Неу до крове стас-
„ те „. Пристойноли бы такъ говорить мужу пре-
мудрому да еще богодухновенному, ежелибъ под-
линно все равно было, чтобъ ты такое ни дѣлалъ,
или какой бы вѣрѣ ни сообщался?

Но еще слѣдуетъ и другой доводъ: ежели бы всѣ вѣры не имѣли между собою различія, тобъ мы недолжны были Анафемѣ предавать того, которой иначе намъ благовѣствуетъ, нежели какъ благовѣствовано было, хотябы онъ былъ другой Павелъ съ небесъ сшедшій или и Ангелъ. Но о семъ явно учитъ самъ Павелъ къ Галат: въ главѣ 1: ст: 8. 9. да еще и дважды тожъ самое напоминаетъ: „ Аще
„ мы, или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ,
„ Анафема да будетъ. Якоже предрекохомъ, и нынѣ
„ паки глаголю: аще кто вамъ благовѣститъ па е,
„ еже пріясте, Анафема дабудетъ „. Не далѣе небо отъ земли отстоитъ, какъ слова Павловы отъ словъ нашихъ Адіафористовъ.

Разсудите же прошу: Павелъ велитъ Анафемѣ предавать такого, которой иное благовѣствуетъ а не то, чему онъ училъ: а нынѣ находятся между Христіанами, которые не поставляютъ за разность принимать вѣру отъ тѣхъ, кои, какъ всякому явно иное учатъ, нежели что Павелъ училъ. Сей доводъ тѣмъ наипаче сильняе, что Апостолъ оному про-

клятїю подвергаетъ и тѣхъ, которые законъ Христїанскїй съ жидовскимъ, а Моїсея съ Христомъ соединить хотѣли. И такъ оные еретики въ разсужденїи сей матерїи гораздо легче погрѣшали, нежели наши Адїафористы, кои Христїанское благочестїе съ другими отъ людей вымышленными и всякихъ погрѣшностей исполненными вѣрами соединить и смѣшать, и вдругъ Христу и Велїару, богу и мамонѣ служить хотятъ.

Причемъ и сего не должно забывать, что сїе мѣсто Павлово еще тѣхъ мнѣнїе совсѣмъ опровергаетъ, кои то одно за довольное ко спасенїю поставляютъ, чтобъ вѣрить только о Христѣ, что онъ есть обѣщанный Мессїя; принимать тѣ истинны, кои всѣмъ вѣрамъ общи, да добродѣтельно жить: а прочее все не такъ за важное почитаютъ, чтобъ за то съ кѣмъ имѣть какое нибудь прекословїе. Но и помянутые противники, противъ которыхъ во оружается Апостолъ также признавая Мессїю и всѣ прочїе истинны принимали: но понеже доброволно не захотѣли на то склонится, чтобъ Моїсеевъ законъ вовся оставить: того ради ихъ предаетъ анафемѣ Павелъ.

Кромѣ сего, что нашимъ Адїафористамъ ужѐ доказано, пусть по ихъ мнѣнїю противному будетъ и такъ, что будто довольно ко спасенїю вѣрить Христа обѣщаннымъ Мессїею: но изъ того своего предложенїя могутъ они обличиться тѣмъ, что много есть такихъ вѣръ, которые желали и желаютъ Христїанскими почитаться, однакъ всѣ онѣ такъ суть ложны, что ихъ принимать и содержать крайнїй есть грѣхъ и беззаконїе.

§. 19.

§. 19.

Седьмой классъ послѣдуетъ тѣмъ, кои за должное почитаютъ то, чтобъ всякъ признавалъ и вѣрилъ истиннѣ: но ложнаго и совѣсти нашей противнаго исповѣданія всякія обряды и церемоніи употреблять въ различіе и въ худобу не ставятъ. Противъ которыхъ и мы слѣдующимъ образомъ вооружаемся.

Ежели всякое лицемѣріе въ вѣрѣ отъ бога священнымъ писаніемъ возбраняется; то весьма худо дѣлаютъ, кои такой вѣры обряды и церемоніи употребляютъ, которая совсѣмъ худою имъ кажется: перьвое предложеніемъ ни единаго сомнѣнія не имѣетъ; а второе весьма удобно доказывается, да еще многими доводами.

Перьвой доводъ приводится оттуду, что когда неистовствомъ Ахаза и Іезавели введенное въ вѣру идолопоклонство вездѣ было умножилось; то богъ всѣхъ тѣхъ изъ числа рабовъ своихъ выключилъ, которые Ваалу поклонились; хотя и нѣтъ въ томъ сомнѣнія что многіе изъ нихъ чистосердечными и непорочными себя сохранили, и ему единому все богопочтеніе воздавали.

2. Доводъ выводимъ изъ точныхъ словъ Христовыхъ у Матѳея гл: 10. сти: 33. „ Всякъ иже отвер„жется мене предъ чиловѣки [не говоритъ сердцемъ, „но просто] отвергуся его и азъ предъ отцемъ мо„имъ иже на небесѣхъ „.

3. Доводъ приводимъ изъ посланія перьваго къ Коринѳяномъ гл: 10. сти: 21. Гдѣ явно говоритъ Павелъ

Павелъ Коринфяномъ: не можете чашу Господню пити, и чашу бѣсовскую. Онъ же и тѣхъ не сомнѣвается называть идолослужителями, которые хотя одно какое ниесть исправляли изъ такихъ служенїй, какїе въ обычаѣ были у идолопоклонниковъ для изъявленїя своего идоламъ почитанїя.

4. Доводъ беремъ изъ тѣхъ казней, которыми устрашаетъ Іоаннъ во апоколипсѣ гл: 14. сти: 9. 10. 11. „Иже аще покланяется звѣрю и иконѣ его, и „ прїемлетъ начертанїе на челѣ своемъ, или на руцѣ „ своей: и той имать пити отъ вина ярости божїя, „ вина нерастворенна въ чаши гнѣва его, и будетъ „ мученъ огнемъ и жупелемъ предъ Ангелы Святыми, „ и предъ Агнцемъ „. Такъ же и изъ тѣхъ казней о которыхъ говоритъ противъ страшливыхъ той же Іоаннъ и въ томъ же апокалипсѣ гл: 21. сти: 8. Коихъ онъ въ числѣ осужденныхъ кладетъ между перьвыми и главными Геенны наслѣдниками. Но кто же они такїе страшливые? Подлинно не тѣ, кои нерадиво себя ведутъ на сраженїяхъ воинскихъ; ни тѣ, кои явно заблужденїямъ послѣдуютъ; нижѐ лицемѣры, кои истинну Евангельскую хотя словами и исповѣдуютъ, однакъ дѣлами отмещутъ: но непремѣнно тѣ, которые мїрской ненависти и мученїя бояся, внѣшнее свое житїе такъ ведутъ, что по видимому всѣ тѣ обряды и церемонїи съ похвалою принимаютъ, а самою вещїю въ себѣ, и по внутренному своей совѣсти разсужденїю гнушаются ими.

5. Доводъ имѣемъ изъ трехъ Царствъ главы 18. сти: 21. и Софонїевой 1. сти: 5. гдѣ осуждаются и тѣ, которые на обѣ плеснѣ храмлютъ, и хотя покланяются богу и имъ кленутся, но купно

и мїро-

и міродержцемъ божатся. Еще и изъ апокалипса 3. гл: сти: 15. 16. Гдѣ Христосъ грозитъ, что онъ тѣхъ, кои ни теплы ни хладны суть, имать изблевати изъ устъ своихъ:

6. Доводъ приводится изовсѣхъ оныхъ мѣстъ, въ которыхъ повелѣвается, чтобъ мы исповѣдовали устами предъ человѣки Господа Іисуса къ рим: 10. 9. Матѳ: гл: 10. сти: 32. 33. И чтобъ были готовы къ отвѣту всякому вопрошающему насъ словесе о нашемъ уповаиіи. 1 посланія Петрова гл: 3. сти: 15.

7. Доводъ изъ оныхъ словъ, которыми намъ также повелѣвается изыти отъ среды невѣрныхъ, отъ среды Вавилонской. Апокалипсъ гл. 18. стихъ 4. къ Коринф. 2 послан. гл. 6. сти: 17.

8. Доводъ есть тотъ, что мы не точію душею, но и тѣломъ служить богу долженствуемъ. „ Представите (говоритъ Павелъ къ рим. 12. 1.) тѣлеса „ ваша жертву живу и благоугодну богови. И къ Коринф. въ 1. посланіи гл: 6. сти: 20. Прославите бога „ въ тѣлесѣхъ вашихъ, и въ душахъ вашихъ, яже суть „ божія „. Ибо великое есть святотатство, тое богу отрещи, что его есть, и что по двоякому праву ему принадлежитъ, то есть по праву сотворенія, и по праву изкупленія. Также весьма тяжкая вина надвое себя раздѣлять, и для бога, которому все мы должни, и для міра, которому ничего. Еще и то не легкое же преступленіе, не употреблять языка для того, которому ты и жизнь свою долженъ; стыдиться себе признавать того рабомъ, которой не устыдился насъ назвать своею братіею, и которой за насъ самую лютую и поносную смерть воспріялъ.

9. Доводъ прилагается изъ того, что когда мы въ тонкость оное разсудимъ, то увидимъ, что тотъ бога устами отрещися не можетъ, которой сердцемъ его не отрекся; и едва тому возможно статься, чтобъ не поберегъ тотъ для бога своего здраваго тѣла, которой для него бережетъ чистое сердце. И по таковой то причинѣ въ церьквѣ Христїанской всегда проклинаемы были Елцезаиты, о которыхъ Евсевїй Памфилїевъ въ началѣ книги той повѣствуетъ, что они утверждали, будтобы безъ грѣха можно устами отрещися вѣры: да Присцилліанисты которые за законъ себѣ имѣли, якобы во время гоненїя свободно человѣку лгать; нѣтъ ничего, говорятъ, языкомъ клястися, только бы мысль безъ божбы была; какъ и иной язычникъ, которой у Еврипида говоритъ: языкъ клялся, а мысль не клялась.

10. Доводъ приводимъ на концѣ изъ тѣхъ же мѣстъ упомянутыхъ ужè, гдѣ не точїю страдать, но и умереть за правду и истинну повелѣвается намъ, къ которымъ присовокупить должно и оныя мѣста, въ коихъ блаженными называются всѣ изгнанники правды ради.

§. 20.

И такъ мы десятью доказательствами Неутралистовъ нашихъ мнѣнїе опровергнули. Но дабы ихъ ложъ лучше еще оказалась, то прошу ихъ, чтобъ они себѣ три слѣдующїе вещи замѣтили.

1. Удивительно то, что они не стыдятся лгать въ исповѣданїи вѣры, коего въ свѣтѣ ничего важнѣе и святѣе не находится; притомъ же всякому

честному

честному человѣку ложъ не прилична. Да и самые погибшіе люди иногда жестокія совѣсти угрызенія чувствуютъ, есть ли когда передъ судіами клятвою присвояли себѣ вещъ чужую: столь твердо отъ самаго естества въ сердцахъ нашихъ вкорененно лжи омерзѣніе. Почему паки тоже самое говорю, кто неудивится такимъ людямъ, которые, желая въ свѣтѣ нѣкую себѣ честь получить, не опасаются лгать въ самой вещи преважнѣйшей, гдѣ идетъ дѣло о богѣ, о истиннѣ и о спасеніи? Есть ли на примѣръ противу государя весьма тяжко погрѣшаетъ тотъ подданной, которой или видомъ, или словами свою государю невѣрность прикрываетъ; поелику онаго величество такъ свято, что его ни подъ какимъ видомъ ни уменьшить, ни касаться, ниже хотя малымъ чѣмъ оскорбить, есть великое беззаконіе, съ какимъ бы то намѣреніемъ оные продерзатели ни дѣлали? То что уже можетъ быть беззаконнѣе и нечестивѣе, какъ притворять себя врагомъ богу и истиннѣ?

2. Прошу и то примѣтить, что весьма тяжко такіе лицемѣры грѣшатъ противъ ближнихъ своихъ; понеже они своимъ примѣромъ къ богоотступству склоняютъ ихъ, и приводятъ на то, чтобъ ложные ихъ догматы принимаемы были за справедливые. Почему я оттуду сіе вношу: когда чародѣи, за то одно, что тѣлесному здравію порчу причинятъ мнятся, изо всѣхъ вредителей самыми пагубнѣйшими почитаются: то не большели тѣхъ безчеловѣчіе, кои на поврежденіе душъ устремляются? И хотя сами совершенно вѣдаютъ что то ядъ есть, однако оной ближнимъ подаютъ; и смертную чашу самиже прежде вкушать притворяются,

чтобъ другіе оную скорѣе изпить отважились. Но какія и казни ихъ ожидаютъ отъ того, которой грозитъ, что онъ имѣетъ жестоко наказать лжецовъ и обманщиковъ, да и тѣхъ, которые немощной своей братіи соблазнъ подаютъ.

3. Наблюдать имъ совѣтую, что отъ нихъ весьма много порочится богомъ данная мучениковъ крѣпость, изъ которыхъ великое число за Святую истинну кровь свою излїяли. Ибо кто не почелъ бы тѣхъ не разсудными, глупыми, или паче безумными, кои, естьли повѣримъ нашимъ мудрецамъ!, безъ всякой дальной причины, лучше желали своей жизни лишиться, и посредѣ пламени згорѣть; нежели во исполненїе мучительскаго велѣнїя хотя горьсть ладану въ жертву идоламъ принесть? Такое мнѣнїе, какъ видно, имѣлъ Гобезїй, которой въ своемъ Левїафанѣ на страницѣ 235 пишетъ, якобы тѣ не обязаны были претерпѣвать смерть, кои небыли посланы на проповѣданїе. Но мы не должны въ толь худое безславїе попускать Святыхъ мучениковъ, которыхъ всѣ Христїяне высокими вознесли похвалами; и вмѣсто того, что они были всѣхъ людей мудрѣйшими, почитать ихъ за безумнѣйшихъ, для одного только того, чтобъ угодить малодушїю тѣхъ, кои хотятъ быть мудрыми, но въ самой вещи весьма глупы и неразсудны. Ибо они злочестивое исповѣданїе притворно содержать не стыдятся, на тотъ единственно конецъ, чтобъ спокойнѣе въ мїрѣ семъ прожить; и лучше временное свое богатство зберечь, нежели вѣчное получить желаютъ, къ томужъ больше боятся смерти, нежели жестокихъ Геенскихъ мукъ.

§. 21.

§. 21.

Къ сему седьмому классу причитаются и тѣ, кои за самой перьвой и главной законъ утверждаютъ быть законъ властелинской какъ въ духовныхъ такъ и гражданскихъ дѣлахъ; и сколько ни есть, или въ правахъ естественныхъ, или въ священномъ писанiи узаконенiй, то всѣ тѣ подвержены свѣтской власти по изволенiю своему обовсемъ учреждающей. Сего мнѣнiя былъ и помянутый Гобезiй, который такъ говоритъ въ Левiафанѣ на страницѣ 136, что мы де иногда и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ должны повиноваться проповѣдующимъ слово божiе. Причина тому сiя, то есть, когда оное, что проповѣдуется отъ нихъ, укажетъ гражданская власть вмѣсто закона почитать.. Ибо де и то зависитъ отъ естественнаго закона, которой также есть какъ божескiй, дабы мы во всемъ, что ни прикажетъ гражданство, гражданству были послушны; хотя намъ оное иногда и вѣру содержать запретитъ. Откуду наводитъ, что будто для того обязаны были Израильтяне имѣть за законъ божiй все то, что имъ подъ именемъ закона божiя объявилъ Авраамъ, понеже онъ надъ дѣтьми своими и рабами полную власть имѣлъ. Тойже на страницѣ 234 толкуя оное мѣсто Матфеево изъ главы 10. ст: 32. *всякъ иже отвержется мене* и проч: говоритъ такъ: не должно подданному, которой отречется Христа, вмѣнять за грѣхъ, ежели онъ принужденъ былъ къ тому отъ своего Государя. И на страницѣ 152. пишетъ, обнародованное де право всякому гражданину есть вмѣсто совѣсти. Но сколь много въ томъ злочестiя? Да и подлинно, ежелибъ сiе богохульное мнѣнiе принято было, то бы мы никакого не должны

жны признавать бога, кромѣ того только гражданства, въ которомъ мы подданными родились: нижѣ дѣйствїямъ и жизни нашей было бы иное правило, только одинъ законъ человѣческїй, который данъ будетъ отъ гражданства или его градоначальниковъ. Не надлежалобъ человѣку искать что богъ людямъ открылъ, или что ему угодно: но что велитъ гражданство; одной бы только власти его надобно было повиноваться противъ совѣсти и противъ здраваго разума: и слѣдовательнобъ, что тѣ весьма худо здѣлали, которые образу Навуходоносорову не захотѣли поклониться, или которые возпротивились царскимъ повелѣнїямъ предъ идолами кадить. Кто о семъ терпѣливно станетъ слушать, или кто выслушавъ за худое сего не почтетъ? Но говоритъ еще Гобезїй: не писанїе ли велитъ повиноваться власти? Очень изрядно, да изъ насъ никто о томъ не споритъ: но еще вѣруемъ, что и такой власти должны мы повиноваться, которая отмѣнное исповѣданїе вѣры содержитъ; въ чемъ не только Апостольскому но и Святыхъ отцовъ мнѣнїю послѣдуемъ, а воперьвыхъ Кипрїанову, которой, когда ему начальникъ, выговаривалъ, якобы онъ по тому что Христїянинъ, сталъ быть Кесаревъ злоумышленникъ, слѣдующїя слова, какъ изъ житїя его явствуетъ, въ отвѣтъ сказалъ: „ни мало мы Христїяне сему пороку не причастны. Ибо Кесарю, хотя „онъ инако вѣритъ, и иныхъ боговъ почитаетъ, „но поелику нашъ Государь есть, добра желаемъ, „и просимъ и молимъ бога нашего, дабы его въ „познанїе истиннаго блаженства привелъ„. Почему и наше мнѣнїе не иное, однако въ томъ только одолжены мы власти повиноваться, что слову божїю не противно; должны говорю воздавать Кесарева

Кесареви а божїя богови. Буде законъ властительской съ закономъ божїимъ согласенъ, то всячески надлежитъ повиноваться оному: буде же не согласенъ, то повиноваться ему не надобно, да и никто тогда не обязанъ. И такимъ образомъ всегда себѣ надобно памятовать оное Апостольское слово дѣянїй гл: 5. сти: 29. Повиноватися подобаетъ богови паче, нежели человѣкомъ. Да и подлинно, можно ли вящшую укоризну изобрѣсти противъ бога, какъ большее повиновенїе оказывать людямъ нежели богу. Его заповѣди божескїе преступать, а человѣческїя узаконенїя исполнять? Онъ есть Царь царствующихъ, и Господь господствующихъ! Естьли хотя однажды святыя свои уста отверзъ, то единаго его изо всѣхъ и болше всѣхъ слушать надлежитъ. Правда что мы тѣмъ людямъ кои нами управляютъ, подвластны; но въ немъ самомъ, то есть, не болѣе какъ богу. Ибо ежели что повелятъ они намъ противъ воли его, тогда нимало исполнять того не должны мы. И по сей то причинѣ, говоритъ Данїилъ, что онъ ничего въ томъ противу Царя не погрѣшилъ, когда онъ злочестивому его повелѣнїю не покорился: напротивъ же того весьма тяжко наказаны были Израильтяне за то, что Іеровоама чрезмѣрно слушались, и оставивши храмъ божїй къ новымъ суевѣрїямъ уклонились.

Но еще настоитъ Гобезїй, и приводитъ въ подкрѣпленїе себѣ къ римл: гл: 13. сти: 5. гдѣ говоритъ Павелъ, потребно властемъ повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть. Но чтожъ изъ того? Слѣдуетъ ли оттуду, чтобъ власти имѣли право надъ совѣстїю? Никакъ. Никто надъ нею власти не имѣетъ кромѣ того, кто оную людямъ далъ;

сїе и самымъ язычникамъ не безъизвѣстно. И для того Филонъ о Индїйскомъ философѣ Каланѣ повѣствуетъ, что онъ къ Александру великому такъ писалъ: „ хотя друзья тебѣ и совѣтуютъ, чтобъ ты „ запретилъ Индїйскимъ Философамъ, дабы они „ чрезъ сновидѣнїе не узнавали своихъ дѣлъ и пред- „ прїятїй. Но удобнѣе тебѣ тѣла съ мѣста на мѣс- „ то перенести; а душамъ самовластнымъ никакой „ силы нанесть не можешъ, такъ точно, какъ бы „ ты захотѣлъ понудить камни и деревà, чтобъ они „ голосъ издавали; и проч: Ни какой царь, и никакой владѣлецъ не можетъ того доказать, чтобъ мы что нибудь противъ мнѣнїя нашего зделали. Какаяже сила и Павловыхъ словъ? Не иная поистиннѣ какъ только сїя, что недля того только повиноваться властямъ, понеже сильнѣйшимъ противиться не можно безъ вреда; какъ обыкновенно на примѣръ сносимъ тѣ обиды, которыхъ отвратить нельзя: но добровольно сїе повиновенїе надобно изъявлять, къ чему словомъ божїимъ обязуется совѣсть.

§. 22.

Здѣсь представляютъ противники нѣчто въ защищенїе своего мнѣнїя; а имянно: 1. Приводятъ въ примѣръ Никодима, которой хотя довольно увѣренъ былъ о истиннѣ ученїя Христова: однакожъ какъ при народѣ съ нимъ не сообщался, бояся жидовъ такъ и отъ сонмища ихъ не отступалъ. Что и о Iосифѣ Аримафейскомъ упоминается. Но на сїи примѣры три примѣчанїя полагаемъ: 1. Что они хотя всенародно со Христомъ и не сообщались, однакъ ни къ какимъ богопротивнымъ зборищамъ не приставалиже; да и въ сонмищахъ Iудейскихъ хотя они

они еще находились, только то произходило отъ того, что и самъ Христосъ съ своими учениками отъ оныхъ ветхозаконныхъ обрядовъ не отлучался. 2. Оба они, то есть, Никодимъ и Іосифъ за то явно охуждаются у Іоанна въ гл: 12 ст: 42. 43. гдѣ читаемъ что мнози отъ Князь вѣроваша во Христа; но Фарисеи ради не исповѣдаху, да не изъ сонмищъ изгнани будутъ: возлюбиша бо паче славу человѣческую, неже славу божію. 3. Что Никодимъ Фарисеевъ удерживалъ отъ намѣренія предпріятаго противу Христа, а Іосифъ такожде имъ не хотѣлъ согласиться; обаже безъ всякаго укрывательства по смерти Христовой: [когда изъ Апостоловъ одни бѣгствомъ спасались, а другой отвергся:] тѣло Христово изпросили, и съ честію оное погребли, что вмѣняется имъ за всенародное Христа исповѣданіе

Но пускай сравняются неразнственники наши съ Никодимомъ: Никодимъ ни съ какими запрещенными собраніями не соединялся; а они со всякими зборищами сообщаться за различіе не почитаютъ. Никодимъ съ Іосифомъ всенародно Христа погребаетъ, и предъ цѣлымъ собраніемъ Фарисейскимъ ихъ совѣту противится: а они и говорить про Христа стыдятся. Почему ежели Никодимъ и Іосифъ охуждаются отъ Іоанна, то кольми паче охужденія достойны являются аже-Никодимиты нынѣшняго вѣка.

2. Въ примѣръ представляютъ противники Неемана, которой хотя де отъ заблужденія языческаго къ познанію истиннаго бога и былъ обращенъ: однакожъ предъ кумирьнами и идолами ложныхъ боговъ

покланялся; чего ему будто и Пророкъ не запретилъ. Но дабы и на сей примѣръ мы могли отвѣтствовать, прежде три вещи сїи надобно примѣтить. 1. Что Нееманъ Сирїянинъ не точию отъ Пророка не просилъ того, чтобъ ему позволено было вѣру и благочестїе предъ Царемъ своимъ въ Сирїи таить; но самъ обѣщался и клялся, что онъ впредь никакимъ инымъ богамъ приноситъ жертвъ не станетъ. 2. Что Нееманъ не того требовалъ, дабы ему покакому ни есть случаю можно было ходить въ кумирню ремманову, въ чемъ бы онъ имѣлъ великой грѣхъ; но только сего, что, естьли когда Царь пойдетъ молиться въ капище ремманово, и захочетъ на руку или на плечо ево опереться, то бы сїе ему ни за лукавство ни за грѣхъ предъ богомъ не вмѣнялось. Подобное сему читаемъ о Валентинїанѣ перьвомъ, которой Iулїана богоотступника довелъ до капища Фортуны, какъ о томъ Феодоритъ объявляетъ. Также читаемъ и о Курфирстѣ Саксонскомъ, которой, по объявленїю Слейданову, во время обѣдни передъ Карломъ 5 тымъ стоялъ съ цесарскимъ мечемъ, чего ему и богословы его не возбранили.

Но пусть и съ Нееманомъ сравнются наши Адїафористы. Нееманъ явно исповѣдалъ, что онъ единаго бога Израильскаго почитаетъ, и явно также свидѣтельствовалъ, что сей ремманъ не есть богъ; хотя иногда при жертвахъ его и принужденъ былъ находиться, для того, чтобъ Государю своему должное служенїе исправить: а сїи за одно съ идолопоклонниками обряды исправлять не отрекаются, дабы тѣмъ жизнь и имѣнїе свое въ цѣлости сохранить. Нееманъ сего единаго проситъ, чтобы ему не возбранено было царю своему оказывать услуги: а неразн-

а неразнственники наши свободности себѣ ищутъ притворно поступать, хотя къ тому никакою гражданскою должностїю не привязаны. Сюды принадлежитъ и 3 примѣчанїе, то есть, сїи слова можно иначе разумѣть, какъ то примѣтили ученые, аки бы тамъ Нееманъ просилъ прощенїя не за грѣхъ впредь содѣваемый, но за грѣхъ уже содѣянный. И сего о семъ довольно.

Одно только еще присовокуплю о Нееманѣ, о чемъ здѣсь и надлежитъ разсудить. 1. Никому не должно дѣлать такъ противъ своей совѣсти. 2. Ежели кто и принужденъ будетъ къ тому, то опасаться надобно, чтобъ отнюдь никакого почтительнаго виду къ таковымъ богопротивнымъ служенїямъ не оказать, дабы того ниже за самое малѣйшее согласїе не причтено: но паче охуждать и гнушаться тогда должно, какъ здѣлалъ Валентинїанъ, которой, когда капищной церьковникъ входящихъ чистительною водою по обычаю языческому кропилъ, и одну только каплю той воды на лѣвую ему руку упадшую усмотрѣлъ; то въ тотъ же часъ онаго церьковника прибилъ, и сказалъ, что онъ тѣмъ не очистился, но осквернился. Лучше такїя чести и достоинства, которыя насъ къ какому нибудь поступку приводятъ, которой нашему благочестїю хотя мало противенъ, заблаговременно оставить, и лучше ихъ не имѣть, нежели ближнему соблазнъ подавать.

§. 23.

Противополагаютъ намъ и третїе: надобно де поступать по разсужденїю времени, мѣста, и лицъ, какъ то и Павелъ Святый дѣлывалъ, которой самъ о себѣ написалъ: Іудеемъ быхъ яко Іудей, подза-

конным҃ яко подзаконенъ, беззаконнымъ яко беззаконенъ, всѣмъ быхъ вся. 1. къ Коринѳ. гл: 9. сти: 19. 20. 21. 22. 23. На что мы такъ отвѣтствуемъ: никто и изъ насъ о семъ не споритъ, что по разсужденію времени, лицъ, и мѣста поступать надобно, толькобъ пребыла не вредима совѣсть, и исполнено былобы то, чего отъ насъ истинное благочестіе требуетъ. Правда, что времени и мѣсту такъ надобно угождать, что когда тебя гдѣ гонятъ, то оставь отечество, оставь домъ свой, и бѣги во иное мѣсто; *и буди тамо, дондеже рекутъ ти, изомроша ищущіи души отрочате.* И лицамъ также угождать должно, да такъ, чтобы ты безбожнымъ святая не предлагалъ, и немощнымъ соблазна не подалъ. Какъ то и Павелъ Іудеемъ былъ Іудей, то есть тѣ обряды исполнялъ, кои тогда были Христіанской вѣрѣ не противны. Наприм: обрѣзывая Тимоѳея, и въ Кенхреяхъ главу себѣ остригши: *беззаконнымъ яко беззаконенъ*, сирѣчь отъ тѣхъ церемоній воздерживаяся, отъ которыхъ язычники могли соблазниться: *немощнымъ яко немощенъ*, ихъ слабости примѣняяся, такъ какъ иногда кормилица съ младенцемъ по младенчески поступаетъ; а не такъ какъ оный у Теренція изображенный Гнафонъ, которой самъ себѣ приказы отдавалъ, чтобъ всякому ласкателемъ былъ. Вотъ Святый Павелъ въ какову силу о себѣ сказывалъ: *всѣмъ быхъ вся*, то есть въ вещахъ только позволенныхъ и средственныхъ. Чтожъ изъ того наши противники себѣ получатъ? Пускай они будутъ всѣмъ вся какъ и Павелъ; мы не возпротивимся, ниже въ порокъ вмѣнимъ. Но послѣдуетъ ли изъ того, что будто вольно всѣ принимать вѣры, истинную оставлять, а ложную исповѣдывать? Никакъ.

Павелъ

Павелъ себя только въ томъ протчимъ соображалъ что есть средственно, а не въ томъ что отъ бога запрещено: да и то дѣлывалъ не отъ страха человѣческаго, но будучи возбужденъ ревностїю къ славѣ божїей: ниже когда отрекался Евангелїя, но еще все то дѣлалъ для Евангелїя, да многихъ прїобрящетъ, какъ самъ онъ объявляетъ. Но тоже ли исполняютъ наши неразнственники?

Естьли бы такое же Павлово было мнѣнїе какое нашихъ Неутралистовъ, понеслъ ли бы онъ столько на себѣ трудовъ? Подвергъ ли бы себя такимъ опасностямъ? Возхотѣлъ ли бы связанъ быть узами? Пожелалъ ли бы обезглавленъ быть отъ Спекулатора? Никакъ. Весьма удобно было ему отъ всѣхъ тѣхъ бѣдъ избавиться. Понеже у жидовъ о Моисеѣ только а не о Христѣ, у язычниковъ же ни о Моисеѣ ни о Христѣ; но о Іовишѣ о Меркурїи и симъ подобныхъ свободно было ему говорить. Такимъ бы образомъ онъ всѣмъ весьма понравился. Но не такъ онъ наученъ былъ вѣрить во Христа, да и мы не такъ научены.

Но скажутъ сынове нынѣшняго вѣка: не досадно ли смертїю быть казнену, или чести, или богатства, или житейскихъ угодностей лишиться, или въ ссылку быть сосланнымъ, оставить тѣ забавы, коихъ должно было столько времени наслаждаться, жить въ горестной пустынѣ, и другїе симъ подобные претерпѣвать скорби? Подлинно что досадно, и я неспорю: но то велитъ тотъ, отъ котораго вся жизнь твоя зависитъ, и котораго сила и правосудїе тебѣ извѣстны, которой отъ самаго твоего рожденїя не изчетныя на тебе излїялъ благодѣянїя, которой

торой тебя кровїю своею отъ вѣчной смерти избавилъ, которой оставя небеса въ сїю бѣдственную юдоль сошелъ, дабы ему можно было нашу на себя плоть возпрїять. И которой, что бы намъ изходатайствовать милость у бога, самъ за всѣхъ безъ остатку изпилъ чашу гнѣва божїя. О семъ приказываетъ Господь, братъ, женихъ, вождь, Глава, Царь, спаситель, богъ твой. Правда досадно, но сравни пожалуй сїи бѣдствїя съ тѣми, коими столько святыхъ мужей богъ изкусилъ; сравни съ муками вѣчными, кои тебя непремѣнно ожидаютъ, естьли богоотступникомъ здѣлаешся. Или лучше сравни съ вѣчными благими, кои тебѣ уготовляетъ предвѣчный Отецъ, естьли даже до смерти его имя исповѣдывать будешъ. Правда что досадно въ самомъ крайнемъ нещастїи жизнь провождать: но горaздо досаднѣе всегда внутрь себя имѣть мучителя, отъ червей быть снѣдаему, и покоемъ никакимъ ненасыщаему. Досадно въ темницѣ сидѣть, но досаднѣе ввержену быть во тьму кромѣшную. Досадно, лишиться временной жизни, но несравненно досаднѣе, и того еще предосаднѣе вѣчно жить и вѣчно умирать. Досадно изгнану быть отъ зрѣнїя лицъ державныхъ, но досаднѣе отчуждену быть отъ лицезрѣнїя божїя, и ввержену въ тартаръ съ дїаволами. болѣе объ етомъ рѣчи моей не разпространяю. Но дай то богъ, чтобъ о семъ безбожники всѣ всегда размышляли!

§. 24.

Осьмой есть классъ тѣхъ, которые говорятъ, что будто довольно жить добродѣтельно, а въ вѣрѣ нѣтъ никакого различїя. Ко опроверженїю ихъ болѣе намъ не надобно одного слова. Ежели только житїе без-

безпорочное съ насъ довольно, то для чего намъ вѣра такъ часто узаконяется? Для чего безъ вѣры никто не можетъ угодить богу, по свидѣтельству Павла? Для чего всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ бога нѣсть, какъ научаетъ Іоаннъ? Для чего тѣхъ анафемѣ предаетъ учитель языковъ, которые стояли въ томъ чтобъ блюсти законъ Моисеевъ; хотя и законъ нравоучителной исполнять не меньше повелѣвали? Для чего человѣка еретика повелѣваетъ онъ отрицаться? Для чего невѣрующихъ на вѣчное мученіе осуждаетъ писаніе? Для чего идолослужители отъ царствія божія выключаются?

Но пускай здѣсь позволимъ нашимъ мудрецамъ нѣчто. Говорятъ они что довольно жить только безпорочно; пускай и такъ будетъ; но на то не пристаемъ, чтобъ тому можно было жить безпорочно, которой ничему не вѣруетъ. Можетъ ли тотъ жить добродѣтельно, которой слушая слово божіе, а самому богу вѣрить не похочетъ, которой истинну его презритъ, которой о томъ, что Христосъ въ пользу его изходатайствовалъ, знать не постарается? Вѣра сердца̀ очищаетъ, и всякое поощреніе къ добродѣтельному житію подаетъ. Ибо можетъ ли тотъ жить недобродѣтелно, которой твердо вѣритъ, что онъ всегда предъ лицемъ божіимъ живетъ, и что отъ него судимъ будетъ, также которой помышляетъ, что богъ такъ возненавидѣлъ грѣхъ, что возлюбленнаго своего и единороднаго Сына на смерть предалъ, дабы тѣмъ грѣхъ оной загладить, и своей правдѣ удовлетворить. Прочее все оставляю; понеже мы противу всѣхъ нашихъ Адіафористовъ довольно поговорили, и не надѣюсь чтобъ другіе могли еще сыскаться, кои бы

до осьми оныхъ классовъ какъ ниесть не принадлежали.

Но то еще знать надобно, что мнѣніе о безразличіи вѣръ никакой вѣрѣ не нравилось. О христіянской такъ извѣстно, что большаго уже не требуетъ доказательства. А что въ застарѣлой своей вѣрѣ весьма тверды были язычники, сіе многими свидѣтельствами подтверждается; для чего и Сервій на оное Энеидъ книга 8. „Сей жертвенникъ толикому божеству поставленъ отъ тщетнаго суевѣрія, и невѣденія древнихъ боговъ. Такъ пишетъ: весьма того берегли Афиняне и Римляне, дабы кто новыхъ вѣръ не ввелъ, и для того Десократъ въ Афинахъ казненъ, а Іудеи и Халдеи изъ города Рима выгнаны. Повѣствуетъ и Іосифъ жидовинъ въ книгѣ 2. Противъ Апiона, что у Афинянъ смертная казнь учреждена была на тѣхъ, которые чужаго бога въ почитаніе ввелибы; да и естьли кто хотя единое слово противу ихъ закона выговорилъ, смертію казненъ былъ. Сходственно пишетъ и Діонисій Галикарнасскій въ книгѣ 7. что не точію Греки, но и самые варвары обычай имѣли приlѣжно хранить богослуженіе своихъ предковъ; тожъ самое сказуютъ нѣкоторые о скифахъ и Персіанахъ. Правда что хотя мы въ томъ не споримъ сократу, которой сказалъ, якобы всякому вольно почитать бога своего такъ, какъ почитаютъ его въ какой странѣ; и что часто чужихъ боговъ въ Римъ переносили, а въ Афины привозили: однако напротивъ его три сіи примѣчанія полагаемъ. 1. Что сократово свидѣтельство никакой важности не имѣетъ, по причинѣ той, что и онъ самъ (: за отмѣнное богочестіе:) въ Афинахъ казненъ. 2. Что чужіе оные боги въ Римъ перенесенные, тѣ были, коихъ вызвавши

изъ

изъ осажденныхъ городовъ римской жрецъ умолялъ предъ войскомъ, дабы они не возгнушались въ Римъ переселиться. Гдѣ могутъ имѣть великолѣпнѣйшїе храмы, обильнѣйшїе жертвы, и гораздо лучшїе праздники: а тое вызыванїе произходило для того, понеже у всѣхъ было общее мнѣнїе, будто надъ каждымъ городомъ особливой начальствовалъ богъ, и будто бы не возможно было оные города взять, пока изъ нихъ не вызваны будутъ боги. 3. Изъ того, что чужїе боги привезены были во Афины, или тамъ почитаемы подъ именемъ иногда невѣдомыхъ боговъ, явствуетъ только то, что они нѣкоторыя приключенїя не своимъ богамъ, но чужимъ возписывали; и часто, признавая своихъ боговъ недостаточными, принуждены были прибѣгать ко инымъ. Но не слѣдуетъ оттуду наводить, будтобы Афиняне и Римляне или другїе изъ язычниковъ народы думали, что всѣ богочестїя или вѣры не имѣютъ между собою никакой разности. Ибо естьли бы напримѣръ такое мнѣнїе о вѣрахъ имѣли Римляне, тобы они не такъ жестоко поступали съ христїанами и съ Iудеями, коихъ законъ всегда въ посмѣянїи у Римлянъ былъ; еще же не безъ извѣстно и то, что они часто ругательски новыми богами гнушались, какъ то явно изъ Аристофана, о которомъ такъ Цицеронъ говоритъ въ книгѣ 11. Древнїй оный и весьма шутливый Комическїй стихотворецъ Аристофанъ такъ ругаетъ новыхъ боговъ, что Сабазїя, и другихъ вновь проявившихся божковъ совсѣмъ изъ города выгоняетъ.

О Махометанахъ мы не споримъ, потому, что и самъ Махометъ видно неразнственности въ вѣрахъ держался, когда говоритъ въ Алкоранѣ, что всякой человѣкъ, христїанинъ ли онъ, или жидо-

винъ, только естьли хорошо живетъ, и истиннаго бога почитаетъ, и добрые дѣла творитъ: то безъ сомнѣнія милость божїю получаетъ. Однакожъ (: какъ извѣстно:) на иномъ мѣстѣ учитъ, что его токмо законъ, единъ путь есть ко спасенїю; и вездѣ приказываетъ разпространять его мечемъ и оружїемъ. Да и подлинно удивительнобъ было, ежелибъ Мусулманинъ могъ быть въ томъ мнѣнїи, что всѣ тѣ христїане спасаются, кои Махомета почитаютъ самымъ главнымъ льстецомъ и обманщикомъ, и кои ежедневно о изтребленїи Махометанскаго закона бога молятъ; чтобъ такимъ образомъ во Христа всѣ народы увѣровали. Да и кому не извѣстно, что Турки на вѣчное мученїе осуждаютъ Персїанъ чего ни когда бы не учинили, ежели бы всѣ вѣры за безразличные почитали.

О жидахъ же никакова нѣтъ сумнительства: ибо всѣхъ другихъ иновѣрныхъ народовъ проклятїю предаютъ, и зла имъ желаютъ, поелику они себѣ затвердили, якобы ихъ только жидовскїй законъ есть истинный и единъ путь ко спасенїю; такъ что и мало отъ него отступить есть великїй грѣхъ: да и нашлись изъ нихъ нѣкоторые такїе, кои лучше пожелали самую безчеловѣчную смерть претерпѣть, нежели свининаго мяса наесться. Итакъ мы здѣсь сему нашему разсужденїю полагаемъ конецъ.

